
RURZAX
КОПАРЬ
4
Клад волчьей стаи
18+

RURZAX

Клад волчьей стаи

«Автор»
2026

RURZAX

Клад волчьей стаи / RURZAX — «Автор», 2026

Когда раненый оборотень влетает на мотоцикле прямо в ворота автомастерской, Артём Горин понимает: спокойный рабочий день закончился. Следом появляются чужаки, которым очень нужна старинная серебряная монета. Желательно вместе с её владельцем.В Кобрине начинается война оборотничьих стай. На кону — золото, спрятанное много лет назад, семейные реликвии и право распоряжаться наследством. Местные волки защищают своё, приезжий вожак Бурцев привык забирать чужое, а Горин снова оказывается посреди драки, которую никто ему не заказывал.Впереди заброшенные гаражи, лесные тайники, опасные погони, ведьмовские поединки и встречи с русской нечистью. Домовой требует прекратить превращать квартиру в поле боя, друзья помогают в меру своих сил, а враги становятся всё наглее.Горин рассчитывает найти клад, заработать денег и остаться в живых. Но у волчьего золота слишком много хозяев, и каждый готов за него драться.

© RURZAX, 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Волк на капоте 5
Глава 2. Волчьи претензии 12
Глава 3. Погоня через полгорода 19
Глава 4. Клуб для приличных чудовищ 25
Глава 5. Золото под колёсами 31
Глава 6. Клыки на трассе 38
Глава 7. Антиквар с характером 45
Глава 8. Собачья голова в темноте 52
Конец ознакомительного фрагмента. 58

RURZAX
Клад волчьей стаи

Глава 1. Волк на капоте

Мотоцикл перескочил бордюр и с хрустом лёг на бок рядом с моей машиной. Водитель прокатился по асфальту, ударился плечом о створку ворот и выругался. Я оборвал разговор с клиентом и выскочил из мастерской. Водитель мотоцикла уже пытался подняться, оставляя на асфальте кровавый след.

— Если вы приехали менять масло, место для парковки выбрали своеобразное.

Парень приподнял голову. На вид чуть старше двадцати. Короткая стрижка, дорожная грязь на лице. Левую ладонь он прижимал к боку. Между пальцами уже проступила кровь. В глазах было столько злости, что с испугом она никак не уживалась.

— Ворота закрой, — прохрипел он. — Быстро.

— У нас вечерняя смена закончилась. Вежливость тоже, похоже, закрылась.

Со стороны улицы завизжали шины. Парень дёрнулся, попытался встать и тут же согнулся. По асфальту под ним расползалась тёмная полоса. Я захлопнул наружную створку наполовину, оставив себе обзор, и прислушался. Несколько секунд стояла обманчивая тишина. Потом у поворота вспыхнули фары.

За годы работы в этой мастерской мне случалось видеть пьяных водителей, обманутых покупателей и начальников, которые искренне считали чужие субботы своей собственностью. Раненый парень у ворот не походил ни на одного из них. Он прислушивался к улице, подбирая ноги, как зверь перед прыжком. И всё же я прекрасно понимал: если выставлю его за ворота, преследователи доберутся до него раньше, чем он сделает десять шагов. Решение выходило неправильным почти со всех сторон. Тем не менее я остался рядом.

Я узнал этот взгляд ещё до того, как увидел когти на его правой руке. Оборотень. С Важиным я уже успел достаточно пообщаться, чтобы отличать звериную злость от обычной человеческой. Хотя, если судить по некоторым клиентам, разница бывала невелика.

— Ты чей? — спросил я.

— Данила. Ракитин.

Фамилия что-то задела в памяти. Гриша упоминал местную стаю, с которой у него случались разногласия. Разбираться в их родстве сейчас было поздно.

Я сунул ему чистую тряпку, лежавшую возле входа. Он прижал её к ране и шумно втянул воздух. Кровь продолжала просачиваться. Улица за воротами ожила: одна машина остановилась напротив, вторая проехала дальше и замерла у выезда со стоянки. Перекрывали дорогу вполне по-человечески. Это обстоятельство мне особенно не понравилось.

— За тобой? — спросил я.

Данила кивнул.

— Их четверо. Может, больше. Один такой же, как я.

— Отлично. У меня тут как раз вечер открытых дверей для психопатов.

Телефон лежал в кармане. Я набрал Важина. Тот собирался заехать за своей машиной, которую оставил у нас днём, и уже опаздывал. Гриша ответил с первого гудка.

— Я почти у вас, — сказал он. — Что случилось?

— К нам заехал твой знакомый. Ракитин. Плоховато выглядит. За ним два автомобиля, люди с манерами мясорубки.

В трубке на секунду стало тихо.

— Данилу никуда не отпускай. И сам из ворот не выходи.

Связь оборвалась. Предупреждение было ценным, хотя прозвучало на пару мгновений позже, чем следовало. Наружная створка от удара распахнулась, и во двор шагнул высокий мужчина в серой куртке. Следом появились ещё двое. Четвёртый оставался за рулём машины у выезда.

— Парень наш, — сказал высокий. — Отдай, и разойдёмся.

— На моей стоянке люди сами решают, куда им идти.

— Тогда подвинься.

Он говорил спокойно, даже лениво. На вид лет тридцать пять, крепкая шея, сбитые костяшки. Двое за его спиной разошлись в стороны. Один внимательно посмотрел на Данилу, второй — на гаражные ворота, словно прикидывал, где будет удобнее загнать меня в угол.

Я сделал шаг вперёд, закрывая Ракитина собой.

— Уберите машины. Мастерская закрыта.

Высокий ударил без предупреждения. Я успел подставить предплечье, но кулак всё равно скользнул по скуле. Отозвался старый неприятный укол в правой кисти. Вторая рука работала лучше: я врезал ему в челюсть и толкнул к воротам. Удар получился честный, человеческий. Высокий лишь мотнул головой и ухмыльнулся.

Тот, что стоял слева, бросился мне в ноги. Я сместился, зацепил его плечом, однако равновесие потерял и сам. Мы ударились о борт припаркованной машины. Звякнуло зеркало. Из мастерской донёсся звон упавшей жестянки. Вечер обещал обойтись дороже обычного.

Данила вдруг рыкнул. Звук вышел низкий, с влажным хрипом. Он отнял ладонь от бока, и я увидел, как пальцы вытягиваются, а ногти темнеют. Ракитин всё ещё оставался человеком по очертаниям лица, но уже не мог держать себя в руках. Он ударил третьего нападавшего по груди. Тот отлетел к воротам и не поднялся сразу.

— Назад! — заорал я Даниле.

Парень не услышал. Его тянуло к тому, кто только что споткнулся о створку. Мужчина отступил, а потом одним движением сорвал куртку с плеч. Под тканью вздулась спина. Я моргнул — и увидел звериную морду с оскаленными клыками. Превращение случилось слишком быстро для моих глаз; я заметил лишь конец.

Волк метнулся через двор. В нём не осталось ничего от человека в куртке, кроме сознательного выбора цели. Он обходил Данилу по дуге, стараясь отделить меня от ворот, и при каждом движении с глухим стуком ударял когтями по асфальту. Наверное, в лесу подобное выглядело бы естественно. На стоянке, между машиной с детским креслом и мусорным баком, зверь казался особенно чужим. Я отчётливо представил, что будет, если он переберётся через забор к жилому дому.

Данила прыгнул ему навстречу, но рана подвела: нога подломилась. Зверь пронёсся мимо и оказался на капоте моей машины. Металл прогнулся, стекло вздрогнуло. На секунду оборотень замер в свете фонаря, огромный, с мокрой пастью и грязными лапами. Потом развернулся ко мне.

Я отступил за открытые ворота мастерской. Нож или тяжёлый инструмент могли бы дать мне шанс, но до них было далеко; да и превращать рабочее место в место бойни не хотелось. В руке оказался только обычный рабочий фонарь. Я направил луч зверю в глаза. Он отвернул морду и спрыгнул с капота. Против волка этого надолго не хватило бы. Зато я выиграл пару секунд.

Высокий уже восстановил дыхание и снова двинулся на меня. Волк обходил справа. Парень у ворот, поднявшись на локоть, выругался и попытался подкрасться к Даниле. Высокий закрывал мне ворота, волк искал открытую руку, а парень за спиной Данилы ждал, когда тот отвернётся. Я ударил высокого фонарём по руке, отбил его захват и пяткой толкнул створку в сторону второго. Тот отскочил, потеряв возможность ударить Ракитина.

За стеной мастерской проехал ночной автобус. Его яркие окна мелькнули в пролёте ворот и исчезли. Совсем рядом жили люди: над магазином горел свет, на остановке кто-то ждал транспорт. От мысли, что зверь сейчас выскочит к ним, холодело сильнее, чем от собственной крови на губе.

— Убирайтесь со двора! — рявкнул я.

— Отдай серебро, — сказал высокий, и перевёл взгляд на Данилу. — Парня можешь оставить.

Я оглянулся. Данила сидел у мотоцикла, прижимая тряпку к боку. При слове «серебро» он крепче сжал свободную руку, а лицо у него стало упрямым, почти детским.

— Так бы сразу и сказали, — бросил я. — За покупками у нас через кассу.

Высокий двинулся снова. Я сумел увернуться от первого удара, зато второй пришёлся в плечо. Меня развернуло. Волк коротко рванулся из темноты. Я успел поднять локоть и почувствовал, как коготь рассёк рукав. Неглубоко, но горячо. Зверь готовился прыгнуть ещё раз.

В этот момент у тротуара остановилось такси. С улицы раздался резкий удар автомобильной двери. Волк повернул голову на звук, а в ворота вошёл Григорий Важин. Он прихрамывал заметнее обычного и выглядел человеком, которому испортили вечер ровно настолько, чтобы тот перестал здороваться.

— От мальчишки отошли, — сказал Гриша.

Высокий узнал его. Ухмылка исчезла.

— Это не твоё дело, Важин.

— Раньше тоже думал, что чужие неприятности ко мне не относятся. Потом открыл агентство.

Он шагнул между Данилой и волком. Тот оскалился, припал к земле. Я заметил, как Гриша перенёс вес на здоровую ногу. После прежних приключений он всё ещё двигался осторожнее, чем хотел бы показывать.

— Кто вас прислал? — спросил Важин.

— Слышал имя Бурцев? — ответил высокий. — Вот и вспомни, прежде чем вмешиваться.

Гриша помрачнел. Секунду я надеялся, что они поговорят. Надежда прожила до первого рывка зверя.

Волк прыгнул на Важина. Гриша сместился в сторону, поймал его за загривок и с глухим ударом впечатал в бок машины. Металл хрустнул. Я не успел удивиться: высокий ухватил меня за ворот куртки. Мы сцепились вплотную, обменялись короткими ударами. От его локтя в живот у меня на миг пропал воздух.

Я вцепился ему в рукав, развернулся и ударил коленом. Высокий согнулся, но не упал. Он был тяжелее меня и прекрасно умел драться. Следующий удар пришёл снизу. Перед глазами вспыхнули белые пятна. Мне пришлось упереться спиной в створку, чтобы остаться на ногах.

— Тебе чего надо? — спросил я, вытирая губу.

— Парнишка поднял чужое.

— На дороге валялось? Тогда предъявляйте хозяина дороги.

Он оскалился, как будто в стае Бурцева отбирали людей по одному выражению лица. Из его кулака выскользнул небольшой складной нож. Взрослый разговор окончательно закончился.

Я шагнул к нему, сокращая расстояние прежде, чем он успел размахнуться. Левой рукой прижал запястье с ножом, правой ударил под подбородок. Кисть резко обожгло болью, но хватку я сохранил. Мы налетели на стопку пустых пластиковых ящиков. Они разлетелись по двору. Нож выпал и скользнул под машину.

Высокий навалился сверху. Я чувствовал его тяжёлое дыхание и пальцы у своего горла. Он был сильнее. Тогда я согнул ногу и резко ударил его пяткой по колену. Он ослабил хватку ровно настолько, чтобы я вывернулся и врезал ему в ухо.

Рядом зарычали оба оборотня. Я повернул голову и увидел, как Важин удерживает зверя за переднюю лапу, не позволяя дотянуться до его лица. Гриша тряхнул противника, отбросил к открытым воротам и сам припал на больную ногу. Лицо его исказилось. Волк попытался подняться, но Важин коротко ударил его по морде. Тот отступил за пределы двора.

Один из нападавших уже добрался до Данилы. Он схватил парня за куртку и что-то потребовал шёпотом. Ракитин ответил ударом лба в переносицу. Нападавший застонал, отшатнулся. Данила попытался подняться следом и рухнул на колено.

Я оттолкнул высокого и подбежал к ним. Мужчина с разбитым носом ещё хотел полезть на раненого, но, увидев меня, отступил. За воротами водитель той машины, что перекрывала выезд, подал сигнал. Он отлично рассчитал: ещё немного, и драка собрала бы полгорода.

— Уходим! — крикнул высокий.

Волк скрылся за припаркованным автомобилем. Через несколько мгновений к машине подошёл человек, согнувшийся и натягивающий одежду. Я отвернулся. Наблюдать за чужими превращениями, когда болит каждая мышца, — сомнительное развлечение.

Высокий подобрал товарища с разбитым носом. На прощание он посмотрел на меня.

— Ты ещё узнаешь, чья это вещь.

— Буду дома, — ответил я. — Визитки в следующий раз не забудьте.

Он сплюнул на асфальт и ушёл. Дверцы хлопнули почти одновременно. Две машины выехали с парковки, одна налево, другая к объездной улице. Визг шин ещё некоторое время резал тишину.

Я постоял, прислушиваясь к собственному дыханию. Из открытого окна дома через дорогу на нас смотрела женщина в домашнем халате. За её спиной кто-то настойчиво спрашивал, что произошло. У пекарни задержался человек с пакетом хлеба, но приближаться он благоразумно не собирался. Следов волчьей драки на улице хватало, хотя издали всё могло показаться обычной потасовкой. Я поднял с асфальта фонарь и аккуратно закрыл створку, чтобы никто случайно не забрёл под горячую руку Даниле. Зрение пришло в порядок. Возле ворот лежали раздавленные ящики, на моей машине красовалась глубокая вмятина, Данила бледнел на глазах. Данила прижимал ладонь к боку и упорно пытался встать. Я не позволил ему сделать этого одному.

— Кто такие? — спросил я Важина.

Он посмотрел вслед машинам.

— Люди Бурцева. Сам он сейчас за городом. Этот высокий — его близкий помощник. Имя скажу позже, когда не захочу разбить ему голову.

— Очень содержательная характеристика. Для анкеты твоих клиентов пригодилась бы.

Гриша хмыкнул и наклонился к Даниле. Тот отбивался от помощи скорее из упрямства, чем из реальной силы.

— Не трогай, — процедил парень. — Дойду сам.

— У тебя кровь через куртку течёт. До ближайшей скамейки дойдёшь, если она сама подвинется.

— Они хотели забрать то, что я нашёл.

— И поэтому ты приехал ко мне? — спросил Важин.

— Ты бы всё равно узнал. Лучше от меня.

В этих нескольких словах прозвучала давняя история, к которой меня пока не приглашали. Гриша хотел что-то ответить, но сдержался. Он прижал тряпку к ране Данилы, велел ему сидеть и достал телефон. С кем-то из своих договорился коротко, без объяснений. Раки-

тина обещали принять и привести в порядок. После этого Важин посмотрел на меня и заметно помрачнел.

— А ты чем думал, когда вышел к ним?

— Что в мастерской один раненый, а снаружи трое здоровых. Сложная арифметика.

— Прикинул бы, сколько у оборотня зубов.

— Видел. Один оставил мне на машине автограф.

Данила вдруг хрипло рассмеялся. Смех закончился болезненным кашлем. Из кармана его джинсов выпал небольшой круглый предмет. Он покатился по асфальту, остановился у моего ботинка и коротко блеснул в свете фонаря.

Я поднял его двумя пальцами. Потемневшая монета, с виду серебряная. Изображение на одной стороне почти стёрлось. На другой виднелся неровный ободок и несколько букв, которые я не стал угадывать. Пальцы почувствовали обычную тяжесть металла. Перстень «Чёрный отклик» никак себя не проявил; я и не ожидал от него подсказок по старым деньгам.

— Это она? — спросил я.

Данила протянул руку, но в последний момент остановился.

— Она. Нашёл возле старых гаражей, за автобусным кольцом. Там проход между кирпичными рядами. Плитка осела, блеснуло в щели. Поднял, а эти уже за мной.

— Они видели, как ты поднимал?

— Не знаю. Один спросил про находку раньше, чем я успел её рассмотреть.

— Зачем ты вообще там бродил?

— Хотел пройти к приятелю. Срезал. — Данила поморщился. — Что, теперь улица тоже Бурцеву принадлежит?

Важин недовольно выдохнул.

— Ты хоть понимаешь, что привёл их к мастерской Горина?

— А мне куда было? В лес? Они бы догнали.

Я перевернул монету на ладони. Данила следил за моими пальцами так внимательно, что я невольно подвинулся ближе к свету. В этой внимательности была странная смесь радости и страха: ему удалось найти настоящее серебро, а за находку едва не убили. Я видел подобное у начинающих копателей, когда они впервые понимали цену своей удачи. Хотелось сказать парню, чтобы в следующий раз он сначала смотрел по сторонам. Но он и без меня получил достаточный урок.

Если парень говорил правду, серебро лежало на земле, среди обычных гаражей. Такие вещи я уже находил: упавшие из чужого кармана, вымытые дождями из старой земли, оставленные теми, кто давно перестал вспоминать свою потерю. За одну потемневшую монету люди обычно не ломают машины и не разрывают животы. Но эти люди действовали слишком уверенно, словно знали её цену заранее.

— Какой гараж? — спросил я.

— Не успел запомнить. Длинный ряд. У одного ворота зелёные, рядом пустой проезд. Всё в траве. Я на землю смотрел, когда нашёл.

— Очень точное описание. В Кобрине зелёные ворота — редкость, наверное, всего несколько сотен.

Данила снова поморщился. Ему было уже не до разговора. Я заметил, что он держит ладонь у раны хуже, чем раньше. Пальцы дрожали. Важин сказал, что отвезёт его к людям, способным помочь, и попросил меня принести воды. Я принёс бутылку из мастерской; больше ничего из обычной бытовой суеты сейчас не требовалось.

Ракитин сделал несколько глотков и посмотрел на монету.

— Подержи пока у себя. Если меня опять поймают, заберут.

— С владельцем гаража поговорю, — сказал я. — На его земле чужие вещи могли оказаться по разным причинам. Потом решим, кому вернуть.

— Только не отдавай тем уродам.

— Желание разделяю.

Важин молча кивнул. Он не возражал против того, чтобы монета осталась у меня, но спросил, где именно я собираюсь искать владельца. Я показал рукой на город в целом. Гриша оценил мою подготовку и назвал её безнадёжной. Затем Данила сообщил ещё одну подробность: серебро он заметил возле гаражного ряда, из которого незадолго до этого выезжала чужая машина. Водитель, по словам парня, остановился и посмотрел назад, словно проверял, не потерял ли что-то.

Это было уже полезнее. Хотя пока не доказывало вообще ничего. Монета могла выпасть у водителя, могла пролежать там десятки лет, могла принадлежать человеку, который жил неподалёку. У меня не было причин считать её частью какого-то большого тайника. Причины появятся, если я сам увижу место.

Когда Важин помог Даниле встать, тот всё-таки заскрежетал зубами, но удержался на ногах. Мы вывели его к машине Гриши, оставшейся у мастерской с дневного обслуживания.

— Мотоцикл пока оставим здесь, — сказал я Даниле. — Заберёшь, когда сможешь держаться на ногах.

Ракитин согласился кивком. Важин сел за руль, опустил стекло и посмотрел на вмятину на моём капоте.

— Твой автомобиль пострадал из-за моих знакомых. Разберёмся.

— Вот за эту фразу я тебя и люблю. Остальные знакомые вызывают меньше восторга.

— Монету не показывай каждому встречному, — добавил он. — Завтра поговорим у меня в офисе. Нина тоже должна узнать, чем занимается Данила.

— Нина — это кто?

— Человек, который умеет задавать вопросы намного неприятнее моих. И да, она оборотница.

Гриша закрыл окно и уехал осторожно, без лишней скорости. Я дождался, пока огни его машины исчезнут за углом, и только тогда запер ворота мастерской. В мастерской пахло пылью и тёплым металлом. Часы над дверью показывали далеко за десять. Клиент с жалобой на странный звук давно отключился. Когда я набрал его снова, трубку никто не взял. Нормальным людям в такое время уже спалось.

Я протёр лицо влажной салфеткой, осмотрел порванный рукав. Крови было немного, коготь задел кожу по касательной. Правая кисть после драки ныла. Сильных повреждений вроде бы не было, но заставлять её работать завтра на прежнем темпе я бы не стал. У Важина с ногой дела обстояли хуже: на последнем шаге он заметно опирался на дверцу машины. Никаких чудес с мгновенным заживлением ночь нам не подарила.

На улице снова прошумели автомобили. Я поднялся к окну над рабочим столом и увидел у магазина тёмный седан. Тот самый, который перекрывал выезд со стоянки. Машина стояла с погашенными фарами, но за стеклом угадывался водитель. Спустя минуту он чуть подался вперёд. Наверное, разглядывал меня в освещённом окне.

Я отошёл в сторону. Выглядывать и обмениваться взглядами было глупо. Если люди Бурцева хотели узнать, у кого осталась монета, у них уже имелся ответ. Если они надеялись, что я испугаюсь и вынесу серебро на улицу, с этим вышла ошибка.

Монета лежала на столе, рядом с ключами. На ребре виднелась маленькая забоина. По ней не угадаешь, сколько лет серебро провело в земле. Для настоящего вывода требовалось увидеть гаражи и поговорить с их хозяином. Завтра, если жизнь позволит, я именно этим и займусь.

У окна тихо щёлкнула рама. Седан медленно тронулся, проехал мимо мастерской и исчез за перекрёстком. Я запер дверь и выключил свет.

В темноте гаражного двора уже никого не было. Завтра придётся выяснить у Важина, кто такой Бурцев, а у владельца старых боксов — что Данила нашёл вместе с этой монетой.

Глава 2. Волчьи претензии

Утром на капоте моей машины обнаружился отпечаток когтистой лапы. Ночью я списал вмятину на плохое освещение. Утреннее солнце высветило все пять борозд, будто оставивший их зверь специально раздвинул пальцы.

Я провёл пальцами вдоль смятого металла. Правая кисть после драки отозвалась болью даже на лёгкое касание. Левой рукой я нащупал ещё две неглубокие борозды. Я убрал руку и попытался решить, с чего начинать разговор с Важиным. Сосед из пекарни, выносивший пустые коробки, скосил глаза на капот.

— Крупная собака? — спросил он.

— Очень невоспитанная.

— Их сейчас развелось. Вечером за хлебом страшно выйти.

Я воздержался от совета носить с собой серебряную булку. Пекарь ушёл, а я проверил, закрыт ли мотоцикл Данилы внутри двора. После вчерашнего представления оставлять его у ворот означало ждать продолжения. На сиденье темнела кровь; парень сумел добраться до мастерской, прежде чем силы окончательно оставили его.

Важин позвонил, когда я уже собирался ехать.

— Данила жив, — сказал он вместо приветствия. — Рану ему обработали. Сегодня будет лежать и изображать мученика.

— То есть обычное состояние Данилы, только лежачее?

— Не провоцируй его. И монету привези. Нина ждёт в моём офисе к десяти.

— Ты ведь обещал разговор, а не семейный суд.

— Она тоже так считает. Просто у неё свои представления о суде.

Он отключился. Я достал серебряную монету из ящика рабочего стола, завернул в чистый платок и положил во внутренний карман куртки. На ней по-прежнему ничего не светилось и не шевелилось. Обычная потемневшая вещица, из-за которой два автомобиля вчера окружили мою мастерскую. По дороге к агентству я несколько раз проверил зеркала. Тёмного седана не увидел, но это не особенно успокаивало.

Офис Важина занимал второй этаж современного здания недалеко от оживлённого перекрёстка. На первом продавали кофе и телефоны, за стеклянными дверями постоянно входили люди с папками, пакетами и кислым выражением лиц. Никакого волчьего логова. Только указатель на стене, несколько одинаковых кабинетов и запах кофе, от которого с утра хотелось жить.

Сотрудница за стойкой узнала меня, отвела взгляд на ссадину возле скулы и вздохнула.

— Григорий просил сразу к нему. Только у нас посетительница уже сорок минут недовольна.

— Сорок минут? Стойкость замечательная. Обычно мои посетители сдаются быстрее.

— Вы с ней знакомы?

— Пока нет. Видимо, поэтому ещё здоров.

Из приоткрытой двери доносился голос Важина:

— Нина, я вчера сам привёз его к вашим. Водительские права ему за характер не отбирать.

— Он притащил на городскую улицу чужих волков! — отрезала женщина. — И привёл их к человеку, который вообще не должен был в это лезть.

Я постучал костяшками в косяк.

— Поздно. Человек уже влез. Местами довольно болезненно.

Нина Ракитина сидела у стола спиной к окну. На вид около сорока: короткие тёмные волосы, спокойное лицо, прямая спина. Она не стала вставать и не предложила мне сесть. На

колене лежала раскрытая ладонь с неглубокими белыми шрамами. По тому, как она смотрела, я сразу понял: спорить с ней придётся словами, которые можно будет потом вспомнить без стыда.

Важин поднялся из кресла. На ногу он наступал осторожно. Ночь не вылечила его, вопреки популярным представлениям о волках и живучести.

— Артём Горин, — представил он. — Нина Ракитина. Она отвечает за наших, когда наши слишком заняты тем, чтобы ломать друг другу шеи.

— Не надо за нас отвечать, — сказала Нина. — Данила жив благодаря тому, что вы оба оказались рядом. За это спасибо.

В её голосе благодарность прозвучала с таким усилием, будто слово приходилось проталкивать сквозь зубы.

— Пожалуйста, — ответил я. — Только отправлять его к нам повторно не надо. Мастерская уже дорого обошлась.

Она взглянула на мою руку.

— Повезло, что ты отделался этим.

— Вчера мне так не казалось.

Нина повернулась к Важину.

— Я своим запретила искать старое золото. Бурцев приехал в город искать повод для драки. Данила дал ему повод с доставкой на мотоцикле. Ты ему тоже скажи, чтобы лежал спокойно. К тебе он иногда прислушивается.

— Я передал его твоим людям с дырой в боку, — сказал Гриша. — Надеюсь, теперь он прислушается хотя бы к собственным рёбрам. Стаей руководишь ты.

— Когда-нибудь вспомнишь, что тоже волк.

— Особенно когда вывихну ногу на лестнице. Ничто так не бодрит память.

Нина отозвалась едва заметной улыбкой и снова посмотрела на меня.

— Покажи, что нашёл Данила.

Я вынул платок и положил монету на стол. Не в её руку. Важин это заметил, но ничего не сказал. Женщина наклонилась, не прикасаясь к серебру. По краю проходила крошечная забоина. На стёртой стороне угадывались буквы, которые я вчера пытался прочесть при плохом свете.

— Таких раньше было много, — произнесла Нина. — Данила нашёл одну. Не надо превращать её в судьбу всей стаи.

— А люди Бурцева иначе считают, — заметил я.

— Люди Бурцева считают его собственностью всё, на что он посмотрел.

Она умолкла, когда за дверью послышался мужской голос. Спокойный, уверенный, привыкший заходить туда, где ему не рады.

— Мне сказали, здесь человек с найденной монетой.

Сотрудница попыталась остановить посетителя, но тот уже вошёл. Светлая куртка, дорогие ботинки, аккуратная стрижка. На лице ни одной вчерашней ссадины. Он посмотрел на нас троих, словно выбирал, кто первый начнёт спорить.

— Антон Самойлов, — представился он. — У меня вопрос о семейной вещи.

— Тогда начни с того, кто тебя приглашал, — сказал Важин.

— Я звонил утром. Мне предложили приехать позднее. Решил не терять время.

— Отличный навык, — сказал я. — Особенно для человека, который умеет проходить сквозь приёмную, не замечая людей.

Самойлов услышал насмешку, но ограничился взглядом. Увидел монету на столе и потянулся к ней. Я накрыл серебро платком раньше, чем его пальцы успели коснуться края.

— Знакомая? — спросил я.

— Такая же была у моего деда. Старая чеканка, ободок сбит. Он рассказывал, где пропала семейная часть золота. Теперь я слышу, что вы поднимаете монеты там, где он когда-то работал.

— Где именно работал?

— Возле старых хозяйственных дворов за автобусным кольцом.

Я посмотрел на Нину. Она не казалась удивлённой, зато явно злилась.

— Антон, твои семейные рассказы относятся к другой истории. Перестань притягивать каждую серебряную вещь к своему сундуку.

— Твой дед говорил иначе.

— Мой дед здесь ни при чём.

— Ты знаешь, о каком золоте речь.

— Знаю достаточно, чтобы не позволить тебе отправлять молодых ребят под чужие когти.

Самойлов резко повернулся ко мне. Антон говорил о монете как о собственной вещи, хотя до сих пор видел лишь её затёртый ободок. Он разглядывал стершееся серебро с двух шагов и уже распоряжался им, хотя даже не спросил, что изображено на обороте. Я видел достаточно искателей, которые безошибочно узнавали семейную реликвию по одному слову «золото». Как правило, их семейная память начинала работать только после новости о находке.

— Монета принадлежит моей семье. Отдайте, и я больше никого сюда не приведу.

— Пока у меня слова человека, который подобрал её вчера. Он оставил монету временно, — сказал я. — Другого владельца он не называл. И я ещё даже место не видел.

— Найденное возле нашего старого тайника нельзя считать случайностью.

— У вас там тайник? — спросил я.

Самойлов запнулся. Нина подняла бровь. Важин тихо кашлянул в кулак. Гость сжал губы и покраснел у ушей.

— Это семейное дело.

— А монета — у меня. Пока не выясним, где она лежала и кто имеет на неё право.

В дверях снова появилась сотрудница.

— Григорий, там двое мужчин. Говорят, хотят передать сообщение лично.

Важин посмотрел на часы.

— Если это ещё одни наследники, я закрою приём и пойду в отпуск.

Она покачала головой.

— Один с разбитой бровью. Спросили про Горина.

Я узнал описание раньше, чем увидел посетителей. Вчерашний высокий был слишком настойчив, чтобы исчезнуть после пары ударов. Гриша подошёл к дверям и велел сотруднице оставаться за стойкой. Нина встала. Самойлов отступил к окну, забыв о монете.

В приёмной высокий действительно ждал нас. Лицо опухло возле скулы, на правой руке свежая повязка. Второй мужчина был незнаком. Оба держались с той вежливостью, за которой обычно прячут угрозу.

— Кирилл Бурцев предлагает разговор без лишней крови, — произнёс высокий. — Серебро вернёте сегодня. Важин отойдёт от дела. Молодые волки останутся целы.

Нина прошла вперёд.

— С кем из нас Бурцев собирается разговаривать?

— С тем, у кого вещь. Остальных просили понять намёк.

— Передай Кириллу: здесь нет его стаи, — сказала она. — И никаких его приказов.

Высокий скользнул по ней взглядом.

— Значит, никто не хочет решить вопрос мирно.

— Мирно — это когда ты не заходишь в чужой офис с угрозами, — ответил Важин. — У меня сотрудники работают. К клиентам не приставай.

— Ты давно решил стать обычным человеком?

— Я давно решил платить людям зарплату за работу, а не за разбитые двери.

Высокий улыбнулся, но улыбка вышла неприятной. Он указал на мою куртку.

— Монета у тебя. Передай сейчас. Будет дешевле.

— А если у меня мелочь только на кофе?

— Тогда Бурцев сам приедет.

Нина чуть повела плечом. Высокий заметил движение и напрягся, хотя до того разговаривал с ней так, словно перед ним стояла случайная посетительница. Это было полезнее любой лекции об иерархии оборотней: он понимал, насколько рискованно задевать хозяйку местной стаи, и всё равно продолжал. Ему требовалось показать своему начальнику, что никто здесь не способен сказать «нет».

— Приезжайте по записи, — сказал Важин. — На сегодня мест нет.

Высокий перевёл взгляд на девушку за стойкой. Она держала телефон, пытаясь не показывать дрожь. В этот момент я понял, что он выбрал цель. Не собирался лезть на двух оборотней и меня сразу. Он хотел ударить туда, где никто не готов драться.

— Можете работу заканчивать, — произнёс он сотруднице. — Здесь скоро будет нечего делать.

Гриша сделал шаг вперёд.

— Ты сейчас выйдешь.

Незнакомый мужчина чуть поднял руки, изображая примирение. Высокий отвернулся к выходу. На секунду показалось, что они действительно уйдут. Потом он резко схватил под руку стоявшую ближе сотрудницу и дёрнул к себе.

Я двинулся одновременно с Важиным. Высокий толкнул девушку к стеклянной двери, но Гриша успел подхватить её за плечо. Девушка ударилась локтем о стойку и вскрикнула. Второй нападавший бросился мне наперерез. Я встретил его кулаком левой руки. Удар получился неловкий, зато мужчина отшатнулся и налетел на стул.

— На лестницу! — крикнул Важин сотруднице.

Та не спорила. В кабинете хлопнула дверь: Самойлов отступил назад, пропуская её. Нина оказалась у выхода раньше высокого. Он попробовал обойти, но она перехватила его за ворот и заставила отступить. Кости у него, судя по выражению лица, ещё помнили вчерашний вечер.

— Снаружи поговорим, — процедил он.

— Снаружи твой начальник смелее не станет, — ответила Нина.

Драка переместилась на лестничную площадку и быстро вывалилась из здания. Я не собирался приглашать её обратно к чужим рабочим столам. Поэтому пошёл следом. На тротуаре было людно: люди с кофе, мужчина с пакетом лекарств, школьница с рюкзаком. Высокий огляделся и вместо продолжения спора бросился к припаркованной машине. Второй нападавший задержался возле входа и ударил меня плечом.

Мы вместе отлетели к металлической урне. Крышка звякнула, по тротуару разлетелись стаканчики. Мужчина схватил меня за ворот куртки. Я коротко ударил его локтем, вырвался и увидел, как к нам приближается высокий. Он что-то сказал напарнику, тот внезапно отпустил куртку и побежал к машине.

Важин остановился в дверях, не гоняясь за ними. Нина стояла рядом. Высокий задержался у автомобильной дверцы, посмотрел на меня и провёл пальцем по своему горлу. Жест был настолько дешёвый, что я бы рассмеялся, если бы девушку из агентства только что не швырнули о стойку.

Машина уехала в плотном потоке. Пешеходы стали обходить рассыпанные стаканчики. Кто-то возмущался, что взрослые мужчины опять устроили драку возле кафе. Я поднял урну и поставил на место. Из окна первого этажа на меня смотрел продавец телефонов с видом человека, уже придумавшего рассказ для покупателей.

— Ты их отпустила, — сказал Важин Нине.

— Они вернутся к своему вожаку. Пусть передадут, что получили ответ. — Она взглянула на сотрудницу, вышедшую из агентства. — Твоим людям нужна передышка.

— Её я им обеспечу сам, — сказал Гриша.

Он вернулся к сотруднице, которая стояла в стороне, прижимая ладонь к ушибленному локтю. Спросил, может ли она работать, и предложил уйти домой. Та кивнула, но сказала, что сначала хочет попить воды. По её лицу я видел: ей было неприятно соглашаться, что собственное рабочее место вдруг оказалось опасным. Важин не стал изображать героя и обещать, что такое больше не повторится. Он просто сказал, что сегодня посетителей будет принимать сам, а она может уйти, когда захочет. Это прозвучало гораздо весомее угроз вслед уехавшей машине. Важин проводил её в офис и захлопнул дверь за нашими спинами. На столе рядом с чашкой всё ещё лежал мой платок с серебряной монетой. Самойлов стоял у окна, будто ждал, пока во дворе закончатся чужие разборки.

— У тебя есть машина? — спросил он меня.

— Есть. На ней вчера стоял оборотень. Сегодня ничего серьёзного не планирую.

— Я могу заплатить за монету.

— Ты опять начинаешь не с того конца.

— Пойми, если её заберёт Бурцев, он решит, что нашёл вход ко всему остальному.

— Ко всему остальному чему?

Самойлов прикусил губу. Нина резко повернулась к нему.

— Перестань ему подсказывать, Антон. Ты сам не знаешь, что осталось от старой истории.

Гриша тяжело опустился в кресло.

— Закончили. У меня здесь живые сотрудники и настоящие должники, которым я обещал нормальную работу. Волчьих воинов из агентства не будет. Никто не тронет моих людей за то, что они рядом со мной работают.

— Бурцев не станет спрашивать твоего согласия, — сказала Нина.

— Я тоже не спрашивал, когда защищал Данилу. Просто сделал то, что считал нужным.

Самойлов одёрнул куртку и отступил от стола. Теперь он выглядел моложе и злее.

— Я найду эту вещь и без вас, Горин.

— Счастливого поиска. Только в следующий раз начинай с собственных карманов.

Он ушёл. Нина смотрела ему вслед с усталой досадой.

— У него в семье любят рассказывать о потерянном золоте, — сказала она. — В таких историях легко забыть, кто ещё стоял рядом с прежним хозяином.

— Если всё это всплыло из-за одной серебряной монеты, мне бы очень хотелось, чтобы в вашей семейной истории существовала короткая версия.

— Короткая версия такая: чужое золото будит старые зубы, — ответила Нина. — А люди вроде Бурцева любят подбирать то, что плохо охраняется.

Мне не понравилась лёгкость, с которой она говорила о чужих зубах. Ещё меньше понравилось, что вчера я видел, насколько буквально здесь употребляют это слово.

— А кто стоял?

— Люди и волки, — ответила Нина. — И у каждого своя память. Сейчас мне важнее, чтобы Данила дождался утра, не решив снова кого-нибудь победить.

Она поправила рукав и ушла без прощальных угроз. Важин проводил её до двери, вернулся ко мне и посмотрел на платок.

— Держи серебро при себе. Данила сам попросил.

— Мне нужен хозяин гаража. Я собирался сегодня съездить к тем рядам и посмотреть, откуда могла выпасть монета.

— Нормальная мысль. Если бы за тобой не ходили четверо психов, я бы даже похвалил.

Я развёл руками. От этого сразу потянуло плечо.

— Ладно. Есть у тебя кто-нибудь, кто знает гаражи за автобусным кольцом?

— Полгорода их знает. Но Данила описал пустой проезд рядом с зелёными воротами. — Гриша задумался. — Был у меня клиент с теми гаражами. Он рассказывал о старике, который держит закрытый бокс и никого туда не пускает. Имя забыл.

— Очень полезно. Твой агентский опыт чувствуется.

— Тогда действуй как копатель. У тебя ведь есть ноги, глаза и привычка лезть туда, где тебе не рады.

Я решил начать с человека, который действительно работал в тех местах. Один из наших постоянных клиентов, Слава Корнеев, торговал кофе у автобусного кольца и частенько привозил к нам свою старую машину. Номер у меня сохранился по обычным рабочим причинам, хотя Слава чаще звонил с вопросами, сколько ещё протянет его железный друг.

Он ответил на четвёртом гудке.

— Артём? Если опять про колодки, я всё помню.

— Сегодня без колодок. Возле твоего киоска гаражные ряды. Кто там держит старый закрытый бокс рядом с зелёными воротами?

— Зелёные ворота? Там полряда зелёных. А пустой проезд есть возле Сапрыкина. Николай Сапрыкин. У него бокс давно закрыт, даже когда остальные открыты. Сам живёт неподалёку, ходит иногда посмотреть, не залез ли кто.

— Узнать, как с ним поговорить, можно?

— Конечно. Вечером бывает у киоска. Только человек тяжёлый. Его гараж — святое место. Не полезь туда без разговора.

— Не собирался.

— Ты это так сказал, что мне теперь страшно.

Мы попрощались. Я положил телефон и посмотрел на Важина. У него было такое лицо, словно он заранее знал, что я всё равно поеду.

— Николай Сапрыкин, — сказал я. — Держит бокс возле зелёных ворот. Сегодня хочу доехать и поговорить лично, пока там всё не перекопали другие.

— Осторожнее. Самойлов видел у тебя монету. Бурцев знает, что ты с ней не расстаёшься.

— Монета остаётся у меня, потому что Данила её доверил. В гараж я поеду без лопаты.

— Мне это уже нравится меньше, чем вариант с лопатой.

Я усмехнулся и вышел на улицу. Продавец телефонов за стеклом снова смотрел на нас с интересом. Возле кафе уже подметали стаканчики. Кафе уже открыло дверь следующим покупателям. На тротуаре осталась тонкая полоска крови, которую никто из прохожих не заметил.

Моя машина стояла за углом. Вмятина на капоте блестела под солнцем, как напоминание о вчерашнем. Я сел, осторожно взялся правой рукой за руль, поморщился и переложил часть нагрузки на левую. Выехать к старым гаражам можно было через центр. В пробке меня хотя бы не застали бы врасплох.

На перекрёстке рядом с агентством в соседний ряд вырулил серый автомобиль. За рулём сидел мужчина, которого я не знал. Он посмотрел в мою сторону слишком внимательно. Машина свернула, когда загорелся зелёный, и исчезла за автобусом. Я не стал гадать, послал его Бурцев или это просто любопытный водитель. После вчерашнего хотелось проверять каждый поворот.

Нужно было осмотреть старый гаражный ряд и проверить, откуда взялась монета. Найти Сапрыкина и получить его разрешение прежде, чем прикасаться к закрытому боксу. Впрочем, главное было проще: понять, что Бурцев надеялся найти раньше нас.

Я включил поворотник и выехал на широкую улицу, ведущую к автобусному кольцу. Позади тянулась дневная пробка. У меня в кармане лежала одна чужая серебряная монета, а

впереди начиналась дорога, на которой чужих претензий оказалось больше, чем свободного асфальта.

Глава 3. Погоня через полгорода

До автобусного кольца оставалось несколько кварталов, когда серый автомобиль снова появился в зеркале. Он вынырнул из-за автобуса и пристроился за мной, оставляя между бамперами ровно одну машину. Я перестроился ближе к правому краю. Преследователь повторил манёвр. На следующем светофоре я повернул к жилым дворам. Машина без колебаний свернула следом.

— Ну конечно, — сказал я вслух. — Куда же без сопровождения.

Рядом пустовало пассажирское сиденье. Монета Данилы лежала во внутреннем кармане куртки, завёрнутая в платок. Я убрал её туда ещё в офисе Важина и больше не трогал. На серебре не было ни моего имени, ни фамилии Самойлова. Однако из-за монеты уже пострадали живые люди, и очередную встречу с их преследователями я встречал без энтузиазма.

Двор передо мной был узким, заставленным автомобилями. У песочницы женщина поправляла ребёнку шапку. Я снизил скорость, пропустил их, вырулил между машинами и увидел, как серый автомобиль остановился у въезда. Водитель явно не хотел терять меня. Он коротко посигналил человеку на тротуаре. Тот посмотрел в мою сторону и достал телефон.

Оттуда, где я сидел, не было видно ни экрана, ни адресата. Зато я разглядел самого водителя: русые волосы, широкое лицо и напряжённые глаза. Вчера у мастерской его не было. Сегодня он не пытался скрыться, когда мы встретились взглядами.

Я выехал из двора в соседний проезд. Справа показалась легковушка с наклейкой службы доставки. Я пропустил машину доставки и в зеркале увидел, как преследователи сократили расстояние. Серый автомобиль возник за углом почти сразу. Его пассажир опустил стекло. На секунду я увидел знакомый профиль и рукав тёмной куртки.

Самойлов.

— Значит, поговорить по-человечески у тебя не получилось, — пробормотал я.

Телефон завибрировал. Звонила Марина. Я ответил через связь в машине, не отводя взгляда от дороги.

— Ты обещал позвонить после встречи у Важина, — сказала она. — Как прошло?

— Сотрудникам его агентства теперь полагается надбавка за нервную обстановку. А у меня сзади Самойлов. Похоже, решил проверить, хорошо ли я знаю Кобрин.

— Где ты?

Я назвал улицу и ближайший торговый центр. Марина помолчала ровно столько, сколько ей требовалось, чтобы решить, насколько сильно она хочет ругаться.

— Я у этого центра, возле бокового входа. Приехала обычным автобусом. Ты один?

— В машине — да. В очереди на моё убийство, возможно, больше людей.

— Не веди их ко мне. Уходи к открытой парковке, где много людей. Я выйду со стороны остановки. Позвони, когда остановишься.

— Марина, у меня за спиной человек, который не очень любит слово «нет».

— Тогда не произноси его за рулём. Смотри вперёд.

Она отключилась. Я успел увидеть, как Самойлов наклонился к водителю и указал рукой на правый поворот. Серый автомобиль ускорился, перекрывая удобный выезд. Мне пришлось свернуть в противоположную сторону, к низким домам за рынком.

Там проезд сужался между оградами и магазином цветов. Слева выгружали ящики с растениями, справа медленно пятился фургон. Я остановился и дал ему пройти. Самойловские преследователи терпеливо ждали сзади. Точнее, терпеливо выглядел только водитель. Пассажир уже высунулся из окна и что-то говорил по телефону.

Вторую машину я заметил у следующего перекрёстка. Чёрный универсал стоял у бордюра без включённых фар. Как только я приблизился, он тронулся и пошёл впереди. Теперь

стало ясно, зачем Самойлову понадобилось столько людей. Сзади серый автомобиль, спереди универсал. Оттесняли туда, где можно было остановить меня без лишних свидетелей.

Я вовсе не собирался им помогать. На развязке свернул к торговому центру, пристроился за городским автобусом и проехал перекрёсток вместе с потоком. Универсал проскочил вперёд и оказался в другом ряду. Серый остался через две машины позади. На въезде к торговому центру его водитель резко остановился перед женщиной с коляской. Самойлов дёрнулся на пассажирском месте и раздражённо ударил ладонью по передней панели. Водитель не двинулся, пока женщина не вышла на тротуар. Я запомнил, что Сурков не поддался даже на раздражённый жест хозяина. Самойлов мог сердиться сколько угодно — женщину всё равно пропустили. От следующего светофора до большой парковки было рукой подать.

Там уже начинался вечерний наплыв покупателей. Люди несли пакеты, ругались на переполненные стоянки, везли детские коляски к входу. Я поймал себя на том, что считаю каждого человека препятствием между собой и погоней. Мысль была неприятной. Ни продавщица с коробкой, ни старик у автобусной остановки не обязаны становиться прикрытием для чужой охоты.

Я выбрал свободное место на дальнем краю парковки, рядом с закрытым павильоном, и заглушил мотор. Универсал объезжал ряды, разыскивая удобный подъезд. Серый автомобиль встал поперёк свободного прохода. Самойлов вышел первым. За ним выбрались двое мужчин; водитель остался за рулём.

— Горин! — крикнул Антон через несколько машин. — Давай без цирка.

Я открыл дверь, но выходить не спешил. Монету он видел в офисе. Данила доверил её мне, а я собирался поговорить с собственником гаража. Перечень причин отдать серебро человеку, который размахивал им только в своих семейных рассказах, пока не пополнился.

— Я всегда за разговор, — ответил я. — Особенно когда собеседник не блокирует выезд машиной.

— Ты знаешь, зачем я приехал.

— Догадываюсь. Хочешь бесплатную экскурсию по гаражам.

Он подошёл ближе. На лице проступили серые тени бессонной ночи. Возможно, Самойлов действительно боялся, что древняя история семьи закончится прежде, чем он успеет заработать на ней хоть рубль. Это не давало ему права охотиться за чужими карманами.

— Отдай монету, Артём. Я оставлю тебя в покое.

— На ней фамилия Самойлов написана?

— Это серебро моего деда.

— Твой дед оставлял её в трещине возле зелёных ворот? Данила уверяет, что нашёл на земле.

Самойлов моргнул. Я увидел: о зелёных воротах он услышал впервые. Его люди знали про гаражный ряд, но точное место им никто не назвал. Прятать эту небольшую победу не требовалось. Достаточно было перестать говорить.

Один из людей Антона, коренастый мужчина с короткой бородой, обошёл мою машину справа. Второй остался возле Самойлова. Они пока не нападали, зато постепенно отрезали мне дорогу к открытому проходу между припаркованными автомобилями.

— Ты не понимаешь, во что влез, — сказал Антон. — Бурцев уже расспрашивает о серебре. Он не станет разговаривать так долго.

— Сегодня у меня по расписанию больше одного самоуверенного человека. Вы можете встать в очередь.

Самойлов стиснул челюсти. Коренастый приблизился ещё на шаг.

Из-за торгового центра донёсся сигнал грузовой машины. Я машинально повернул голову и заметил Марину возле бокового прохода. Она стояла в тёмном пальто, не привлекая к себе

внимания. Наши взгляды встретились. Марина коротко качнула головой, предупреждая, что за моей спиной что-то изменилось.

Я обернулся вовремя. Коренастый попытался ухватить дверь автомобиля и резко распахнуть её мне навстречу. Я толкнул створку плечом, он потерял равновесие и ударился бедром о соседний бампер. Второй мужчина бросился справа, хватая меня за ворот. Я вышел из машины и встретил его левой рукой в грудь. Он врезался мне плечом в скулу. Удар оказался крепким. Перед глазами вспыхнуло белое пятно.

— Прекрати! — заорал Самойлов.

Его люди пропустили приказ мимо ушей. Коренастый поднялся и снова двинулся ко мне. С парковки раздался возмущённый крик. Мужчина с двумя пакетами отступил к своей машине. Женщина поспешно увела ребёнка к входу. Самойлов оглянулся на свидетелей и перестал командовать издалека: шагнул к нам сам.

Я отступил между двумя машинами, где нападавшие не могли навалиться сразу. Первый удар пришёлся в левое плечо, второй скользнул мимо. Я поймал коренастого за рукав и заставил его удариться о дверцу собственной машины. За спиной хлопнула дверь. Кто-то оказался слишком близко.

Марина вмешалась без громких слов. Я увидел, как она поднесла к пальцам маленький свёрток с подготовленной золой. Короткий взмах — и между нами и универсалом повис сероватый заслон. Зола не разлетелась по всей парковке. Она сгущалась полосой на расстоянии нескольких шагов, закрыв обзор двоим мужчинам, которые собирались обойти машины. Они остановились, выругались и отпрянули от непонятного пыльного облака.

— К тротуару! — сказала Марина.

Её голос прозвучал рядом. Я вырвался из захвата, оставив противнику кусок ткани от рукава, и вышел к низкому бордюру. За нами прозвучал кашель, потом тяжёлые шаги. Марина уже была рядом. Кожа у неё заметно побледнела, но она стояла ровно и внимательно смотрела, откуда появятся преследователи.

— Ты всё-таки привёл их сюда, — сказала она.

— Они приехали сами. У Самойлова удивительная самостоятельность.

— Прошли бы мимо, если бы ты сразу уехал.

— Попробовал. Они решили устроить экскурсию.

Коренастый выскочил из-за машины, дыша ртом. Я ударил его коленом в живот, пока он набирал воздух для угрозы, и оттолкнул к краю пустого парковочного места. Тот упал на одно колено. Второй выбрался из серой полосы и сразу получил от Марины короткую связующую нить по запястью. На мгновение его рука дёрнулась к собственному поясу. Он потерял возможность ухватить меня за шею. Чары тут же ослабли, и мужчина отпрянул.

Марина пошатнулась. Два приёма подряд давались ей непросто. Она сделала глубокий вдох и опустила руку. Я подхватил её под локоть, однако она сама выпрямилась.

— Хватит, — тихо сказала она. — Дальше руками.

Договориться с собственными руками мне хотелось ещё меньше. Правая кисть после вчерашней драки слушалась плохо. Зато рядом стоял Самойлов, до сих пор наблюдавший, как его люди разрушают остатки его же попытки поговорить. Я шагнул к нему, намереваясь закончить эту историю одной короткой фразой.

— Забирай своих и уезжай.

Антон посмотрел на Марину, затем на меня.

— Где монета?

— У человека, которому её доверили.

Он внезапно бросился вперёд. Я ожидал нового удара от коренастого и запоздал с поворотом. Самойлов схватил меня за край куртки возле груди. Я вцепился в его запястье правой

рукой. Кисть ответила вспышкой боли, пальцы разжались. Антон ударил меня лбом в лицо и потянул ткань вниз. Я опрокинулся на спину, едва успев согнуть ноги.

Рывок вывернул полу куртки наружу. Из внутреннего кармана показался край платка. Антон заметил его раньше меня, выдернул вместе с монетой и отступил. Я ухватился за его рукав, но пальцы соскользнули: правой рукой после вчерашней драки по-прежнему было трудно удерживать хватку.

— Не двигайся, — выдохнул он. — Она моя.

Я поднялся на локоть. Удар пришёлся по носу, и во рту чувствовался вкус крови. Марина успела подойти ко мне, но коренастый уже снова встал у неё на пути. Он двинулся слишком уверенно — и нарвался на удар её локтя в подбородок. Марина не стала продолжать бой. Перешагнула через его вытянутую ногу и встала рядом со мной.

— Отдай, Антон, — сказала она. — На глазах у всех ты отнял вещь, которую тебе отказались отдавать.

— Мой дед… — начал Самойлов.

— Твоего деда здесь нет, — оборвала она. — И ты пока ничего не доказал.

Он спрятал монету в собственный карман. Я всё ещё стоял на колене, оценивая расстояние. Шагов пять. При хорошем рывке я мог дотянуться до Антона и сбить его с ног. Потом его люди снова взялись бы за нас, а Марине уже было тяжело держать плечи прямо. Я разжал кулак: пытаться отнять монету означало подставить Марину под повторный удар.

Я не бросился.

— Считай, что выиграл, — сказал я. — Золото от этого ближе не стало.

Самойлов отвёл взгляд. На парковке неподалёку возмущённо сигналили: серый автомобиль стоял поперёк проезда, мешая выезду другим машинам. Водитель открыл дверцу и крикнул Антону, что пора уходить. У его ног лежала сумка, которую он успел подобрать с асфальта, когда один из покупателей уронил покупки в суматохе.

— Сумку верни, Вадим, — сказал Самойлов.

Водитель огляделся, подошёл к испуганному мужчине и отдал чужие вещи. На секунду я увидел его лицо совсем близко: тот самый, что смотрел на меня в зеркале со двора. Он кивнул Самойлову, но к нам подходить отказался.

— Я вёл машину, Антон. Дальше разбирайся сам.

Имя я запомнил. Вадим. Позже, если жизнь снова сведёт нас, стоило спросить, почему он так уверенно держался за человеком, который устраивал охоту на чужое серебро.

Самойлов отступил к серому автомобилю. За спиной ещё держался остаток зольного заслона. Первый из его людей кашлял возле универсала, второй растирал шею и смотрел на Марину с новой осторожностью. Никто не собирался продолжать драку. Антон сел в машину, и обе машины покинули парковку. Водитель подождал, пока перед ним пройдёт женщина с тележкой. В отличие от своего пассажира, он хотя бы видел окружающий мир.

Я опёрся ладонью о капот. Марина достала обычный платок и дала мне вытереть лицо. Нос болел, но кровь постепенно переставала течь. Она проследила глазами за выездом, потом посмотрела на мою порванную куртку.

— С монетой попрощался?

— Надеюсь, ненадолго. Хотя мы с ней знакомы меньше суток, а скандалов уже на целую семейную жизнь.

— Даниле обещал поговорить с хозяином гаража. Обещание остаётся.

— Именно поэтому я туда и поеду.

— На тебя только что напали. Может, сначала дашь лицу принять привычную форму?

— Дай пять минут. Стану прекрасен, как раньше.

Марина не улыбнулась. Она оглядела парковку. Возле входа охранник пытался выяснить у прохожих, почему несколько человек дрались между машинами. Мне не хотелось втягивать

его в объяснения о волках, серебре и семейной памяти. Мы молча дошли до моей машины. Марина села рядом, закрыла дверь и тяжело прислонилась к спинке.

— Я потратила больше сил, чем собиралась, — сказала она. — Ещё одного заслона сейчас не будет.

— Не просил бы. Сегодня хватит людей, которые считают парковку полем боя.

Мы выбрались из стоянки через дальний выезд. Я держал скорость обычной, пропуская автобусы и пешеходов. За нами никто не ехал. Город готовился к вечеру: в окнах зажигался свет, возле кафе собирались курьеры, над остановками горели объявления. Марина сидела молча, разглядывая ссадину на ладони. В кармане куртки у меня осталась скомканная подкладка вместо монеты.

— Самойлов не успокоится, — сказала Марина.

— Может, какое-то время будет любоваться монетой. Ему ведь хотелось именно её.

— Ты уверен?

— Нет. Его люди знали только район гаражей. Когда я сказал про зелёные ворота, Антон растерялся.

Марина повернулась ко мне.

— Тогда нам нужно посмотреть на ворота, пока он не спросил у Данилы.

— Данила у своих и еле ходит. Даже Самойлов не настолько туп, чтобы сейчас ломиться к нему.

— А у Бурцева, судя по вчерашнему, свои представления о тупости.

Мы свернули с главной улицы к автобусному кольцу. Кофейный киоск Славы Корнеева ещё работал. Он выдал очередному покупателю бумажный стакан, увидел моё лицо и присвистнул.

— Артём, ты что, с грузовиком поспорил?

— Грузовики обычно воспитаннее. Сапрыкин появлялся?

— Полчаса назад проходил. Ушёл домой. Завтра с утра, скорее всего, снова подойдёт. А вы на его гараж поглядеть?

— Только с улицы. Без хозяина трогать ничего не стану.

Слава кивнул и показал на проезд между кирпичными рядами. Я запомнил направление, купил Марине горячий чай и не стал превращать разговор в допрос. Кофейщик выглядел достаточно занятым своими настоящими покупателями. Мы вернулись к машине и проехали до въезда в гаражный ряд.

На первый взгляд всё было обыкновенно: облупленные ворота, выбитые стёкла, трава между плитами. Но один из боковых проездов отличался свежими следами. Возле бордюра темнела влажная грязь, тогда как остальная дорога успела подсохнуть. В ней отпечатались две широкие полосы шин, а рядом — несколько следов обуви. Я присел у края лужи и заметил, что верхний слой земли на одном участке недавно сдвинули. Под ним показался светлый песок.

Марина вышла следом. Она не стала искать в грязи магические знаки; прислонилась к дверце и следила за въездом.

— Что видишь?

— Кто-то копался здесь после дождя. Свежее движение. Вон там след от лопаты, рядом смазанная подошва. И автомобиль стоял так, что перекрыл бы проезд.

— Данила сказал, серебро выпало из щели между плитами.

Я перешёл к зелёным воротам, стараясь не наступать на чужие следы. Рядом оставался пустой проход, о котором он говорил. Кирпич внизу потемнел от сырости. Несколько старых плит просели, образовав неглубокую щель. В неё набилась трава. Я присел, провёл взглядом вдоль края и увидел свежую царапину на светлом камешке. Кто-то совсем недавно ковырялся рядом, но здесь не было открытого сундука и даже хорошего намёка на тайник.

— И этого хватило, чтобы устроить погоню? — спросила Марина.

— Самойлову хватило одного серебряного кружка. Бурцеву, похоже, хватило самого слуха. А меня интересует, почему тут разная земля. Может, недавний ремонт покрытия, может, кто-то искал потерянное. Увидим, когда Сапрыкин разрешит осмотреть бокс.

На створке закрытого бокса Сапрыкина, стоявшего рядом с зелёными воротами соседнего гаража, виднелась потёртость возле запора, а ниже — свежий узкий скол. Я не мог утверждать, что его оставили взломщики. За долгие годы обычные хозяева гаражей наделали бы здесь следов и похуже. Зато на земле рядом лежал маленький обломок краски, ещё чистый с обратной стороны. Это говорило о недавнем прикосновении к воротам. Человеческом и очень настойчивом.

Я выпрямился, потянувшее плечо заставило меня задержаться на секунду. Марина подняла обломок глазами, не касаясь его.

— Ворота закрыты. Хозяина нет. На сегодня всё?

— На сегодня да. Я не полезу в чужой гараж ради истории, которую даже толком не знаю.

В кармане завибрировал телефон. Важин.

— Ты добрался? — спросил он вместо приветствия.

— Добрался. Монету у меня забрал Самойлов. Встретил на дороге с помощниками. Марина сейчас рядом. Мы живы.

Гриша шумно выдохнул.

— Самойлов, значит. С ним ещё поговорим. А пока слушай: Аглая сообщила, что Бурцев собирается сегодня вечером в её клубе. И Антон тоже обещал быть. Похоже, они решили обсуждать золото в приличном заведении.

Я посмотрел на закрытый бокс Сапрыкина рядом с зелёными воротами. Внутри могли лежать обычное железо, старые банки из-под краски и пыль. Настоящий клад, если он существовал, дожидался своего часа. Он никуда не должен был исчезнуть оттого, что я сегодня оставил двери закрытыми.

— Приличность там обеспечит хозяйка, — ответил я. — С нас хватит приглашения.

— Приезжай ко мне, потом вместе отправимся. И лицо приведи в порядок.

— Вы с Мариной сговорились?

— У тебя голос человека, который получил в нос. Я таких на работе слышал.

Он отключился. Марина уже догадалась по моему выражению, куда нас зовут.

— К Аглае? — спросила она.

— Туда. Самойлов понесёт монету хвастаться Бурцеву. Заодно послушаем, как они делят то, чего ещё не нашли.

— И к Сапрыкину пойдёшь только с его согласия, — напомнила она.

— Я именно за этим завтра и вернусь.

Мы дошли до машины. У зелёных ворот отпечатки чужих ботинок ещё не успели затянуться пылью. Значит, Самойлов пока искал не там, где нужно. В кармане больше не было серебра. Зато теперь у меня было конкретное место для поиска. А Самойлов мог сколько угодно сжимать свою добычу в кулаке: без гаража монета оставалась только монетой.

Глава 4. Клуб для приличных чудовищ

Когда мы подъехали к агентству Важина, над городом уже горели рекламные вывески. У входа в офис стояла чёрная машина Гриши. После драки меня удивило, что машина осталась целой. В офисе тем временем работали люди, которым досталось куда сильнее.

Внутри пахло кофе. За стойкой сидела та самая сотрудница, которую утром толкнули люди Бурцева. На локте у неё темнел синяк. Она разговаривала по телефону обычным деловым голосом и, заметив нас, подняла указательный палец: подождите. Я послушно остановился перед стойкой. Девушка имела полное право задавать здесь правила.

— Григорий в кабинете, — сказала она, закончив разговор. — Предупреждал, что придёте. И попросил не устраивать снова драку у входа.

— Передайте ему, что мы привыкли обслуживаться в помещении, — ответил я.

Марина нахмурилась. Я счёл вопрос закрытым и пошёл дальше.

Важин стоял возле окна, опираясь одной рукой о спинку кресла. Второй держал телефон. Он уже переоделся в тёмную рубашку. Прихрамывал сильнее, чем ночью у мастерской, хотя делал вид, будто вообще не замечает прежней травмы.

— Лицо ещё твоё? — спросил он.

— Точно не Самойлова. Тот оставил себе только монету.

— У него сейчас большая потребность что-нибудь держать в кулаке. Пойдём. Аглая сказала, что пустит нас через служебный вход. В зале обычные гости, а Бурцев заказал отдельную комнату.

— Мило. У нас будет столик с видом на будущую бойню?

— С видом на дверь, — отрезала Марина. — Я ещё после парковки отойти не успела. Если вы собираетесь выяснять, у кого длиннее клыки, делайте это без моей магии.

Важин кивнул. Он не стал спорить и не попросил её держать удар на всякий случай. Мне это понравилось. Я предложил Марине ехать домой, но она сама решила остаться: Самойлов уже видел её, а разговор в клубе мог объяснить, зачем Бурцев охотится за гаражной монетой. Обратно она собиралась уехать, когда сочтёт нужным. Мы договорились об этом сразу, без героических обещаний защищать друг друга до последнего барного стула.

Перед выходом Гриша попросил сотрудницу закрыть офис после смены и звонить ему, если посланцы Бурцева появятся снова. Она ответила, что как раз собиралась домой.

Клуб Аглаи находился в торговом квартале. С улицы заведение выглядело безупречно: мягкий свет, дорогие автомобили, хорошо одетые люди у входа. Мужчина в пальто ожесточённо объяснял спутнице, почему их столик обязан быть ближе к сцене. Девушка слушала, не переставая листать телефон. За ними курьер с огромной сумкой осторожно протискивался к соседнему ресторану. Кобрин жил своими обычными вечерними заботами. Я даже немного позавидовал мужчине: его неприятности пока ограничивались мебелью.

У служебного входа нас встретил охранник в сером пиджаке. Он узнал Важина и отступил, давая пройти. Марину оглядел с уважением, меня — с некоторой настороженностью. После драки на парковке моё лицо вряд ли внушало доверие. В коридоре за стеной гремела музыка, пахло парфюмом и жареным мясом. В конце прохода открылась дверь. Из неё вышла Аглая Вересова.

Она была в чёрном платье и с таким выражением лица, с каким нормальный директор встречает пожар в день крупного банкета.

— Григорий, — сказала она. — Ты обещал прийти разговаривать.

— Я и собираюсь.

— Артём, если ты попытаешься объяснить свою внешность несчастным случаем у меня в гардеробе, я выставлю счёт.

— У вас слишком хорошие гардеробщики. С ними я бы не справился.

— Тогда веди себя соответственно.

Она взглянула на Марину. Сдержанное приветствие получилось теплее, чем разговор со мной. Аглая сразу заметила её усталость и велела принести воды. Марина поблагодарила, но от предложения сесть в другом помещении отказалась.

— Я останусь рядом. Только без просьб колдовать.

— В моём заведении достаточно людей, которые справляются со своими руками, — сказала Аглая. — Большинству гостей этого хватает.

Мы прошли вдоль закрытой части коридора. Две двери отделяли её от главного зала. За первой слышались смех и звяканье посуды. За второй говорили вполголоса. Аглая остановилась и повернулась к нам.

— Бурцев пришёл с двумя своими. Один уже обидел официанта. Самойлов привёл водителя, но оставил его внизу. Мне не нравится их разговор. Кирилл дважды интересовался, кто из моих постоянных гостей общается с местной стаей. Я ему объяснила, что клуб не предоставляет такие услуги.

— И как он воспринял отказ? — спросил Важин.

— С той грацией, на какую способен человек, считающий любое «нет» личным оскорблением.

Я посмотрел на дверь. По ту сторону что-то стукнуло о стол.

— А нас зачем пустила? — спросил я.

Аглая задержала взгляд на моей порванной куртке.

— Хочу закончить это сегодня. Ты принёс в мой клуб неприятности, хотя ещё даже не успел заказать ужин. У тебя есть редкий талант.

Она открыла дверь и первой вошла внутрь.

Комната была просторная, с низким светом, тяжёлыми шторами и отдельным столом. В углу лежала плотная тень от высокой перегородки. Другую оставлял барный шкаф. Светильники над столом горели достаточно ярко, чтобы различать лица, но не разгоняли темноту по стенам. Я отметил это машинально. В знакомстве с вампирами быстро учишься смотреть по сторонам.

Самойлов сидел ближе к окну. На правой скуле у него красовалась свежая ссадина, которой на парковке ещё не было. Серебряная монета лежала перед ним на тёмной салфетке. Антон то и дело касался её указательным пальцем, словно боялся, что кто-нибудь снова выхватит добычу.

Напротив расположился мужчина лет сорока с лишним, широкоплечий, аккуратно подстриженный. На нём была дорогая куртка, а на лице — спокойное презрение к окружающим. Рядом стояли двое. У одного рукав был чуть тесен на мощной правой руке. Другой непрерывно смотрел на дверь. При нашем появлении он первым подался вперёд.

— Гриша, — протянул сидевший. — Наконец-то. Думал, ты останешься считать чужие долги.

— Кирилл Бурцев, — сказал Важин мне, не отвечая на насмешку. — Знакомься. Он любит приезжать туда, где его не звали.

Бурцев встал. Ростом он почти не уступал Грише. Они пожали руки. У Гриши напряглась челюсть. Кирилл сдавил ему пальцы и задержал рукопожатие. Лишь после короткого молчания разжал ладонь.

— А это тот самый копатель, — сказал он, повернувшись ко мне. — Я видел последствия вашего вечера. Мои ребята до сих пор жалуются.

— Плохой у них начальник. Послал заниматься чужим мотоциклом и не предупредил, что владелец будет возражать.

— Мотоцикл тут ни при чём.

— Удивительное дело. Он так и остался у меня в мастерской, а спор почему-то продолжается.

Самойлов нетерпеливо постучал пальцем по салфетке.

— Хватит. Я позвал Кирилла обсудить старый клад. Артёму здесь делать нечего.

— Ты его позвал? — уточнила Аглая. — В моей комнате? Интересная расстановка должностей.

Антон покраснел. Бурцев усмехнулся и отодвинул стул.

— Сядьте. Раз пришли, послушайте. Золото когда-то разделили человек и волк. Людям досталось своё, стае — своё. Потом старые хозяева умерли, а потомки решили, что им достаточно фамилии. Всё это долго лежало без дела. Теперь мы можем договориться разумно.

— Мы? — спросил Важин.

— Я обеспечу людей, безопасность и покупателя. Самойлов покажет, что знает о семейной доле. Свою часть получит. А местная стая наконец определится, кто способен держать территорию. Покупатель уже спросил, кто вправе распоряжаться золотом. Он не желает связываться с тем, кто завтра отдаст его по первому требованию Нины. Поэтому мне нужны и клад, и решение о хозяине.

— Ты уже решил за Нину? — спросила Марина.

Бурцев повернулся к ней. Он успел оценить усталое лицо, руки без приготовленной золы и спокойный взгляд.

— Я предложу ей выбор.

— Ультиматум уже предлагал, — сказал я. — Через ребят, которые ломали мебель в агентстве Важина. На деловое предложение не похоже.

Один из стоявших за Бурцевым резко подался вперёд. Кирилл остановил его движением ладони, не оборачиваясь.

— С ними разберусь. Я не знал, что они решили трогать сотрудников агентства.

— Значит, начальник у вас одинаковый, а дисциплина разная, — заметил Важин.

Бурцев сел, сохранив улыбку. Пока он говорил, я видел, как внимательно Самойлов следит за каждым словом о доле. Он будто заранее прикидывал, сколько золота окажется у него в руках. Сведения о месте клада Антон держал при себе. И правильно делал, хотя со вчерашнего вечера его решения вызывали у меня в основном желание держаться подальше.

— А монета тут каким боком? — спросил я. — Её нашёл Данила возле чужого гаража. Древнюю историю семьи она ещё не доказала.

Самойлов накрыл серебро ладонью.

— Я знаю, что видел мой дед. Ты этого не понимаешь.

— В твоём семейном альбоме есть фотография всех монет на свете?

— Хочешь, чтобы я сейчас всё рассказал при нём? — Антон кивнул в сторону Бурцева и осёкся.

В комнате стало тихо. Кирилл перестал улыбаться. Сомнений больше не осталось: Самойлов показал союзнику далеко не всё. Бурцев хотел заставить его выложить остальное, а нас использовал как зрителей при этой попытке.

— У меня нет никакого интереса к гаражу, — сказал Кирилл слишком быстро. — Мелкая находка, пусть с ней разбирается владелец. Меня интересует старое золото. И волки, которым пора понять своё место.

— Тогда отдай Даниле его монету, — сказал я Самойлову. — Она попала к нему раньше тебя.

— Он её украл.

— Ты это видел?

— Он рылся там ночью.

— Ты тоже не на прогулку вышел, когда отнял её у меня.

Самойлов придвинул салфетку ближе к себе. Бурцев усмехнулся, но спор закончить не успел: из коридора донёсся короткий возмущённый голос официанта. Дверь приоткрылась. Тот самый широкоплечий помощник Кирилла, который стоял у стены, шагнул наружу и схватил молодого сотрудника за ворот. Видимо, официант попросил освободить проход и получил привычный ответ гостя, которому слишком многое прощали.

Аглая оказалась рядом с дверью.

— Руку убрал, — сказала она.

Помощник медленно отпустил ткань. Затем посмотрел на Бурцева, словно спрашивал разрешения извиниться. Кирилл лишь поморщился.

— Принесите воды, — сказал он официанту. — И закройте дверь.

— Он сначала выйдет, — ответила Аглая. — А ты объяснишь своему человеку, где он находится.

Аглая отступила к барному шкафу, освобождая проход. Свет над столом не доставал до его боковой стенки.

Пока они говорили, второй помощник обошёл стол и остановился перед Важиным. У парня вытянулось лицо, зрачки стали узкими. Я заметил короткие тёмные когти на кончиках пальцев. Действовать он собирался быстро, пока внимание хозяйки было обращено к двери.

— Ты чего там уставился? — спросил Гриша.

— Нина передала, чтобы ты не возвращался к своим, — процедил оборотень.

— Нина передаёт мне слова сама.

Парень ударил первым. Я увидел движение плеча, затем кулак с обнажившимися когтями. Важин отклонился, но больная нога подвела. Удар задел ему щёку, рассёк кожу. Гриша ответил коленом в живот, схватил нападавшего за куртку и с силой впечатал в стол. На столе дрогнули бокалы; один покатился к краю, и Аглая перехватила его раньше официанта. Самойлов вскочил, отодвигая монету, Бурцев резко поднялся.

Второй помощник Кирилла бросился на Важина сбоку. Я перехватил его за руку у локтя. Шансов победить оборотня в силовом споре у меня было немного, зато хватило, чтобы изменить направление удара. Его кулак врезался в спинку кресла. Дерево треснуло. Мужчина повернулся ко мне, оскалив зубы. Я отступил за край стола и сбил ему под ноги низкий пуф. Он споткнулся, потерял полшага, а я успел ударить его в скулу тяжёлым боком ладони.

В ответ получил локтем в плечо. Меня бросило на перегородку. Боль прошла сверху вниз, на миг ослабевшая правая кисть соскользнула с края шкафа. В помещении стало тесно для пяти мужчин, пытавшихся доказать своё право на каждый квадратный метр. Марина не бросилась произносить новые чары. Она схватила Самойлова за рукав и оттащила от разлетающейся посуды, потом отодвинула от дверного проёма перепуганного официанта. Он наконец выбрался в коридор.

— Хватит! — приказала Аглая.

Её голос прозвучал тихо. Но никто уже не мог притвориться, что не слышит. Бурцев схватил Важина за ворот, оттянул от своего человека и толкнул к стене. Гриша удержался, хотя на повреждённую ногу перенёс слишком много веса. Я бросился вперёд, чтобы не дать Кириллу продолжить, и оказался лицом к лицу с его звериными глазами.

— Тебе здесь вообще делать нечего, — сказал Бурцев.

— Согласен. Ваши знакомые превращают любое приличное место в зверинец.

Он замахнулся. Я видел движение руки и понимал, что не успею уйти полностью. Между нами скользнула чёрная тень. Аглая исчезла из тени возле шкафа и возникла в глубокой тени у перегородки, примерно в четырёх метрах от прежнего места. Оба пятна темноты были открыты моему взгляду. Уже оттуда она перехватила запястье Бурцева прежде, чем его удар достиг меня. Кисть Кирилла резко ушла в сторону.

Я знал эту её короткую складку тьмы. Далеко так не прыгнешь, через светлый зал тоже. Сейчас Аглая использовала единственный удобный ход в своей комнате, и его хватило. Кирилл дёрнулся, но вампирша удержала руку. На мгновение её взгляд стал совершенно чужим. Я заметил, как она сглотнула, и вспомнил, какую цену ей обходится такая магия.

— В моём клубе, — произнесла Аглая, — вы перестанете ломать людей и мебель.

У двери появились двое охранников. Они замерли, оценивая обстановку. Помощник Бурцева отступил от стола, вытирая кровь с губы. Второй держался за скулу. Бурцев осторожно освободил руку. Аглая позволила ему это сделать, но не отошла.

— Мы разговаривали, — сказал он.

— Теперь разговор окончен. Ты и оба твоих спутника покидаете клуб. Сегодня и в ближайшие вечера вас здесь не ждут.

— Ты серьёзно думаешь, что можешь выставить меня?

— Смотри, как легко проверяется ответ.

Она указала на дверь. Охранники расступились. Один из них подобрал упавшее кресло, освобождая проход. Важин вытер кровь с щеки и остался на месте. Драться дальше он не собирался; мне тоже хватило происходящего. Бурцев посмотрел сначала на него, затем на меня. Бурцев улыбнулся охраннику, который закрывал за ним проход, словно уже договорился о следующей встрече.

— Хорошо. Посмотрим, как вы запоёте, когда Нина останется одна. Антон, идём.

Самойлов колебался. Он посмотрел на салфетку, взял монету и сжал в кулаке. Затем обошёл стол, стараясь не задеть Важина. Я увидел, что Антон боится Кирилла. Странное открытие для человека, который вчера гонял меня по городу и требовал показать семейное достоинство в монетном эквиваленте.

— Говорили о другом, — негромко сказал он Бурцеву. — Про стаю разговора не было.

— Потом обсудим, — ответил тот.

— Я сказал, разговор был о золоте.

Кирилл задержался на пороге, наклонился к Антону и произнёс несколько слов так тихо, что я их не разобрал. Перед уходом он машинально поправил ровно сложенную салфетку, которую сам смял в споре. Порядок на столе волновал его даже после драки. Самойлов побледнел и пошёл следом. Союз состоялся на моих глазах. Добровольным он выглядел лишь до первой угрозы, но Антон сам выбрал спутника и сам держал монету. Останавливать его силой я не собирался.

Из коридора донёсся голос Вадима Суркова. Он спрашивал, что случилось, и предлагал отвезти Самойлова домой. Антон ответил резко, велел заводить машину. Вадим не вошёл в комнату. Через несколько секунд шаги удалились. На столе осталось круглое пятно от влажного бокала, где ещё недавно лежала монета. Самойлов забрал её вместе со своим упрямством. Отнять её здесь означало бы устроить новую драку посреди чужого заведения. За вечер мы уже нанесли Аглае достаточно ущерба.

Она повернулась к охране.

— Проверьте, чтобы эти гости действительно уехали. Персоналу скажите: закрытую комнату сегодня больше не сдаём. Если кто-нибудь спрашивает, почему здесь шумели, посетители поссорились между собой и покинули заведение.

Потом Аглая посмотрела на опрокинутую посуду. Под столом лежал отломившийся кусок кресла. Она подняла его двумя пальцами и задумчиво повертела.

— Любопытная у вас компания, Григорий. Мои постоянные гости обходятся без такой демонстрации характера.

— Счёт пришлёшь? — спросил Важин.

— За кресло и посуду — да. За поведение Бурцева отвечать будешь только в случае, если приведёшь его снова.

— Не приведу.

— Вот и первая приятная новость за вечер.

Марина забрала со стола стакан воды, который никто так и не выпил. Она выглядела усталой, но стояла уверенно. Я подошёл к ней и предложил выходить. Она покачала головой.

— Сначала послушай, что сказала Аглая про Нину. Кирилл спрашивал гостей, связанных с местными. Он приехал за территорией, это уже видно. Деньги будут потом.

— Самойлов этого не понял, — сказал я.

— Понял, — ответила Марина. — Когда было поздно красиво отказаться.

Важин медленно сел, вытянув повреждённую ногу. У него на щеке подсыхала кровь. Он поймал мой взгляд и усмехнулся.

— Не смотри так. Живой. У нас в агентстве это пока обязательное требование к сотрудникам.

— Главное, не записывай Бурцева в штат. У вас мебель долго не продержится.

Аглая подошла к двери, прислушалась к шуму главного зала и сказала, что её гости приехали отдыхать, а не смотреть на чужую войну. Она сама проводит нас к выходу. Бурцева больше в клуб не пустит. Его знакомых тоже, если они попытаются устроить подобное. Никаких обещаний помогать Нине она не давала. Мне понравилась эта ясность: у каждого здесь имелась собственная жизнь, собственная работа и свои пределы терпения.

На улице похолодало. Возле главного входа сменялись автомобили. Важин остановился у моей машины, огляделся и прислонился к дверце.

— Завтра с утра к Сапрыкину? — спросил он.

— Да. Слава Корнеев сказал, что тот обычно заглядывает к гаражам. Поговорю с хозяином и только потом полезу внутрь. Даже Бурцев не возражал, что гаражная монета к большому волчьему золоту отношения не доказывает.

— Он не возражал, потому что надеется использовать Самойлова. Самому Кириллу серебряный кружок ни к чему.

— Тем лучше. Значит, у меня остаётся шанс заняться своей работой.

— Не обольщайся. После сегодняшнего он не оставит нас в покое.

— Я и не собирался. Просто устал быть бесплатным приложением к чужой волчьей ссоре.

Марина посмотрела на нас обоих.

— Сапрыкина предупредить о возможных чужаках. И никакого самовольного вскрытия. Мы это уже обсудили.

— Ты говоришь так, словно я каждый день взламываю чужие гаражи.

— К счастью, у меня нет такого расписания.

Она поехала домой на вызванной машине: сил на ещё одну встречу с оборотнями у неё не осталось, а я не стал уговаривать её продолжать вечер. Важин попросил подвезти его к агентству. По дороге он коротко позвонил Нине и сказал только то, что слышал сам: Бурцев требует подчинения местной стаи и заключил соглашение с Самойловым. Я слышал сердитый голос в трубке, но слов не разобрал. Нина, похоже, не собиралась спрашивать разрешения защищать своих.

Возле офиса Гриша выбрался из машины медленно, сохраняя спокойное лицо. Поблагодарил за дорогу и велел звонить, если у гаражей появятся чужие машины. Я дождался, пока он скроется за дверью, и остался один в салоне.

Пустой внутренний карман куртки напомнил о потерянной монете. До настоящего золота было ещё далеко. Зато завтра я собирался увидеть старый гараж с разрешения хозяина, собственными глазами и при дневном свете. Люди Бурцева делили добычу заранее. Мне оставалось договориться с хозяином гаража и убедиться, что они вообще правильно выбрали место.

Глава 5. Золото под колёсами

Утро началось с того, что я обнаружил на своей куртке чужую кровь. В клубном полумраке пятно казалось грязью. Теперь сомнений не осталось. Куртку я повесил подальше от чистой одежды. О вчерашнем клубе я и без пятна помнил достаточно; куртку хотелось постирать немедленно.

Телефон ожил, пока я пил кофе.

— Сапрыкин сегодня придёт, — сообщил Слава Корнеев. — Видел его возле киоска. Взял чай, сказал, что идёт к боксам. Ты просил предупредить.

— Спасибо. Не рассказывай всем подряд, что я его ищу.

— Поздно. Он сам спросил, зачем по нему разыскивают автомеханика. Я сказал, что у тебя к нему дело.

— И всё?

— А что ещё? Про золото я не слышал.

— Вот именно поэтому ты мне и нравишься.

Слава хмыкнул и отключился. Я допил кофе, проверил телефон. От Важина пришло сообщение: он довёз себя до дома, нога после клубной потасовки терпит, Нине передал всё, что слышал. Данила оставался у своих. Мотоцикл парня по-прежнему стоял на закрытом дворе мастерской. За ночь никто не пытался его украсть — выдающееся достижение для нашего города в нынешней обстановке.

Марине я позвонил сам. Она ответила не сразу.

— Я проснулась, — предупредила она. — Если спрашиваешь, могу ли сегодня снова драться с оборотнями, ответ тебя не порадует.

— Хочу спросить, как ты себя чувствуешь.

— Тогда чуть лучше. В клубе ты справился без моей магии. С гаражом тоже попробуй.

— Собираюсь работать по старой методике: сначала получить разрешение владельца.

— Редкий и смелый приём. Главное — не забудь его к вечеру.

Я пообещал позвонить и вышел. Бросать работу в мастерской на неопределённое время не хотелось. Там уже стояли две чужие машины, ожидавшие ремонта. Я предупредил сменщика, что ненадолго отлучусь, и поехал к автобусному кольцу. Сначала требовалось найти Сапрыкина и получить разрешение открыть гараж. Если старик откажет, поиски придётся остановить; монета Данилы не давала мне права лезть в чужое имущество. Всё остальное зависело от его ответа.

У киоска стояли двое водителей с бумажными стаканами. Слава кивнул мне в сторону гаражных рядов. Возле бокса, соседствовавшего с зелёными воротами, возился с ключами сухой седой мужчина в коричневой куртке. Он обернулся ещё до того, как я назвал его по имени.

— Горин? — спросил он.

— Артём. Николай Сапрыкин?

— Допустим. Что у вас с моим гаражом?

— В проходе рядом нашли серебряную монету. Есть основания думать, что здесь кто-то искал старые вещи. Я хотел бы осмотреть ваш бокс. Только с вашего разрешения.

Сапрыкин поглядел на мои руки, затем на машину. Лицо у него было такое, каким встречают очередного человека, пришедшего объяснить владельцу, что его имущество срочно кому-то понадобилось.

— Я вчера двух таких видел, — сказал он. — Молодые, наглые. Спрашивали, не продавал ли я гараж. Один даже цену назвал. Смешную.

— На какой машине приезжали?

— Тёмной. Четыре колеса. Ты механик, тебе должно хватить.

— Уже почти составил портрет водителя.

Сапрыкин неожиданно улыбнулся.

— Ладно. А монета где?

— Была у меня. Вчера один человек забрал её силой. Теперь хвастается, что это семейная вещь. Я с ним не согласен, но доказательств у меня нет.

— Значит, я должен пустить тебя к себе, потому что какой-то идиот отнял у тебя серебряную мелочь?

— Вы ничего не должны. Если в гараже окажется клад, я помогу его найти. Если пусто — увидите свой бокс и убедитесь, что туда никто не залез. Чужую собственность забирать без спроса я не собираюсь.

Мужчина помолчал. Потом открыл дверь и отступил в сторону.

— Заходи. Только к машине аккуратно. Она у меня от отца осталась.

Он задержался у порога и придержал дверь.

— А насчёт находки договоримся заранее. Если золото будет, его оставлю себе. Серебро разделим пополам, тебе ещё одну серебряную за работу, если хватит. По остальным вещам решим, когда увидим. Я сам выберу, что хочу сохранить.

— Устраивает. И никому ничего не продаём без вашего согласия.

— Вот теперь заходи.

В боксе пахло старой резиной, сухой пылью и металлом. Под потемневшим чехлом угадывался приземистый «Москвич». У стены стояли колёса, сложенные друг на друга, подоконник занимали банки с краской и чайник, которому давно пора было на покой. На полу оставались следы прежних попыток двигать вещи: возле входа пыль была размазана, а за автомобилем лежала ровным слоем.

— Здесь недавно кто-то был? — спросил я.

— Внутри? Кроме меня — никто. По крайней мере, я никого не пускал.

— А замок у двери поцарапан.

— Видел. Ночью поганцы ковыряли. Я пришёл утром, проверил — дверь закрыта. Теперь вот вы явились.

Я кивнул. Я вошёл за Сапрыкиным и на минуту забыл о Бурцеве: За этим автомобилем когда-то ухаживали. Краска под чехлом сохранила блеск, в салоне лежала выцветшая куртка, на зеркале висел крошечный металлический брелок.

— Отцовский? — спросил я.

— Его. Сам собрал на эту машину. На ней меня из роддома забирали. Потом внука моего катали. Мотор последний раз запускали лет десять назад. С тех пор всё собираюсь разобрать гараж.

— Если понадобятся мастера, знаю одно место. Правда, там последнее время клиенты приезжают с когтями.

— Это у тебя шутки такие?

— Профессиональные неприятности.

Сапрыкин обошёл автомобиль и остановился возле заднего колеса.

— Отец здесь иногда прятал деньги. От матери. На рыбалку, на детали, на какие-то свои дела. Она знала, конечно. Просто делала вид, что верит его рассказам.

— Где он их держал?

— В разных местах. Я находил мелочь в бардачке и под сиденьем. Больших сокровищ там не было.

Я не стал превращать разговор в поиски секретной кнопки. Осмотрел салон, заглянул под старый коврик, увидел только сухие листья и несколько забытых гаек. Пустота сама по себе ничего не доказывала. За столько лет любую машину успели бы проверить десятки раз, а

вот колёса, стоявшие у стены, почему-то сохраняли чужую старую пыль. Причём одно из них стояло отдельно, у заднего крыла. Под ним оставался чистый полукруг, будто колесо недавно сдвигали и вернули не точно на прежнее место.

— Это вы переставляли? — спросил я.

— Нет. Я к ним месяц не прикасался.

Я присел. У края полукруга торчал маленький уголок тёмной ткани. На нём лежала свежая песчинка, а рядом виднелась узкая царапина. Снаружи остались грубые царапины свежим металлом. Внутри отметина была тоньше и уходила под ткань: кто-то заглядывал сюда раньше, но не успел вытащить находку.

— Можно колесо убрать?

— Убирай.

Покрышка еле поддалась. Под ней обнаружилась сложенная резиновая дорожка. У самого края выступал жестяной бок небольшой коробки. Я потянул за ткань, и коробка с сухим шорохом вышла из-под дорожки. Никакого тайного люка, никаких сияющих знаков. Только старая жесть, на которой кто-то когда-то нарисовал синюю полоску.

— Это отцовская? — спросил я.

Сапрыкин сел на корточки рядом. Его пальцы дрогнули, когда он увидел полоску.

— Помню эту коробку. Там раньше карамель лежала. Я её ещё маленьким таскал к телевизору. Потом отец забрал.

— Открываем?

— Давай. Только без цирка.

Крышка уступила после короткого усилия. Внутри лежал потемневший серебряный портсигар, а под ним — монеты, завёрнутые в бумагу. Одна отсвечивала тёплым золотым цветом. Остальные были серебряные, разных размеров, с затёртыми изображениями и чёткими насечками на ребре. Я выложил их на чистую часть чехла. Посчитал дважды, потому что после последних дней сам себе не вполне доверял.

Одна золотая. Четырнадцать серебряных. Один серебряный портсигар.

Сапрыкин долго смотрел на золото. Затем осторожно взял портсигар, повертел и неожиданно рассмеялся.

— Старый хитрец. Мать всю жизнь ругала его за табак. А он даже после смерти оставил ей повод.

— Портсигар семейный?

— Вроде бы его. Только я таким никогда не пользовался. И отец последние годы тоже.

Я молча дождался, пока он положит вещь обратно. В таких находках самое трудное бывает понять, насколько человек готов с ними расстаться. Цены я ещё не знал. История у портсигара имелась, но чужая память рублями не измерялась.

— О продаже пока рано говорить, — сказал я. — Сначала решим, что вы хотите оставить. Я сюда пришёл с вашим разрешением.

— Я обещал тебе долю, ещё до того как открыли коробку. Помнишь?

— Помню. Золото ваше, серебро делим. Половину мне, сверх этого одну за работу, если монет хватит. Остальные вещи — после разговора.

— Хватит, — сказал Сапрыкин и пересчитал серебро. — Восемь тебе, шесть мне. Портсигар тоже забирай. Отцу он уже без надобности, а я его хранить не стану. Золотую оставлю в семье.

Я пересчитал обе стопки. На мою долю пришлись восемь серебряных монет и портсигар. Николай сложил к себе одну золотую и шесть серебряных. Ничего лишнего на чехле не осталось.

— Монета, которую отняли у тебя, в коробке была? — спросил он.

— Нет. Её поднял другой человек снаружи, а сейчас держит третий. Мы даже не знаем, откуда она там взялась. С этим кладом смешивать её рано.

Сапрыкин фыркнул.

— Вижу, у тебя хорошая компания.

— Поэтому я сегодня и пришёл пораньше.

Снаружи вдруг хлопнула дверца автомобиля. Затем другая. Я заметил, как хозяин резко поднял голову. Вчерашний страх, спрятанный за ворчанием, вернулся на лицо.

— Я никого не звал, — сказал он.

За воротами заговорили двое. Один спросил, на месте ли старик. Второй ответил, что машина Горина стоит у киоска. Голос показался знакомым. Я успел собрать свою долю обратно в коробку, а Николай зажал монеты в ладони. Потом в проёме появился крепкий мужчина в тёмной куртке. В клубе Аглаи я уже встречал его кулак. Второй стоял у машины на проезде. Третий шёл следом, оглядывая гаражи.

— Вот и наш специалист, — сказал первый. — Кирилл просил передать привет.

В клубе Кирилл уверял, что гараж ему безразличен. Похоже, решил проверить, нельзя ли урвать что-нибудь заодно.

— Передавайте, что он опоздал на бесплатный осмотр, — ответил я.

Мужчина посмотрел на открытую коробку. Сапрыкин шагнул перед ней.

— Мой гараж. Вы кто такие?

— Люди, которым нужно проверить одну находку.

— Проверяйте у себя дома.

Непрошеный гость грубо оттолкнул его плечом. Николай ударился о крыло старого «Москвича». Я успел перехватить руку мужчины, когда тот потянулся к коробке. В ответ меня швырнули на дверь. Металл глухо прогнулся. Я ударил нападавшего коленом в бедро, выскользнул в сторону и бросил между нами старое колесо. Оно покатилось по полу и врезалось ему в голень. Мужчина выругался, потерял равновесие. Этого хватило, чтобы я оттолкнул его к воротам.

Второй вошёл сбоку, перекрыв проход. На его пальцах быстро выступили короткие тёмные когти. Плечи расширились, куртка натянулась. Оборотень. В тесном гараже ему было куда удобнее хватать людей, чем мне уклоняться. Я увидел, как он метнулся к хозяину, и со злостью понял, что для этих типов чужая старость ничего не значит.

— Николай, в сторону! — крикнул я.

Сапрыкин отступил к стене, но не побежал. Оборотень схватил меня за плечо и дёрнул так, что перед глазами потемнело. Я ударил его лбом в лицо. Он зарычал, не разжал пальцев. Тогда я толкнул его на капот «Москвича», а сам рухнул рядом на одно колено. Старая машина дрогнула, с неё съехал край чехла. По полу заскользили монеты из разжатой руки Николая.

Одна золотая блеснула возле порога.

Противник увидел её первым. Отпустил меня и рванулся за добычей. Я схватил край чехла, сдёрнул его на пол под ноги оборотню. Тот поскользнулся, ударился плечом о стойку и рассвирепел окончательно. Его лицо вытянулось, на скулах выступила тёмная шерсть. Полного превращения я ждать не собирался. Кисть всё ещё плохо переносила резкую нагрузку, зато ноги были при мне. Я отскочил к открытым воротам и позвал хозяина.

Николай поднял с пола толстую деревянную трость, прислонённую к стене. Я даже не заметил её раньше. Он с размаху ударил оборотня по предплечью. Трость треснула, но пальцы разжались. Я успел схватить золотую монету с пола и метнуть хозяину. Он поймал её обеими ладонями, словно много лет тренировался именно ради этого случая.

— К двери! — крикнул я.

Но третий человек уже стоял снаружи, перекрывая проход. За его спиной у соседних гаражей собирались люди. Женщина с продуктовой сумкой замерла посреди дорожки. Муж-

чина в рабочей куртке выкрикнул, чтобы мы прекратили драку. Обычный город напомнил о себе вовремя. Бурцевские люди не рассчитывали на зрителей.

Первый нападавший попытался вырвать у меня коробку. Я прижал её к груди, получил кулаком в бок и впечатался спиной в проём. Воздуха почти не осталось. Перстень на пальце не шевельнулся. Отражать было нечего: меня били руками, железом двери и собственным упрямством. Я шагнул внутрь, пропуская удар мимо себя, и двинул противника плечом в бок. Он налетел на второго оборотня. Оба вывалились во двор, прямо под ноги третьему.

Николай тем временем вышел через боковую калитку в соседний проход. С ним была его часть монет. Он принял решение сам: подставляться под когти ради моего заработка не собирался. Я хотел было позвать его обратно, но увидел, что он успел подойти к людям у ворот и громко произнёс:

— Эти трое в мой гараж вломились! Вы их запомните хорошенько!

Сосед с рабочей сумкой шагнул к нему. Кто-то из водителей подошёл ближе и поднял телефон. Сапрыкин показал на разбитую дверь. Толпа перестала выглядеть безучастной.

Человек с клубной драки поднялся с асфальта и бросил взгляд на зрителей.

— Золото отдай, — прошипел он мне.

— Ушло в семейный бюджет владельца. Кириллу передай, что скидок нет.

Он шагнул ко мне, но второй оборотень удержал его за рукав. Внутри гаража им не удалось забрать коробку. Снаружи собралась слишком заметная публика. Они отступили к тёмной машине. Третий, до сих пор державшийся в стороне, распахнул дверь. Все трое сорвались с места, оставив на асфальте обломок пластиковой накладки.

Я стоял у ворот и дышал так, будто только что пробежал несколько кварталов. Под курткой ныло место, куда пришёлся удар. На разбитой коже пальцев темнела кровь. Клад оставался при мне, хотя его коробка теперь больше походила на помятую банку из-под краски.

— Живой? — спросил Сапрыкин.

— Не уверен насчёт вашей двери.

— Дверь переживёт. Машина тоже, если тебе ещё раз не вздумается на неё прыгать.

— В следующий раз спрошу разрешения отдельно.

Он посмотрел на свою сломанную трость, затем на золотую монету. Сохранять суровый вид у него больше не получалось.

— Отца бы сейчас сюда. Посмеялся бы. Он всю жизнь прятал золото от родни, а пришли за ним какие-то мордовороты.

— Родственники иногда тоже бывают такими, — сказал я. — Но сегодня все пострадавшие остались здесь.

Мы вернулись внутрь. Несколько серебряных монет лежали возле колеса и под крылом машины. Мы подняли монеты. Сапрыкин проверил собственную долю; я не торопил его. Моя — восемь серебряных и портсигар. Его — золотая и шесть серебряных. Под чехлом больше ничего не звякало. Николай завернул свою часть в старый платок и спрятал в карман куртки.

— Куда теперь? — спросил он.

— В антикварный магазин. Хочу продать свою долю. Если поедете со мной, Фёдор услышит от хозяина, что вы передали вещи добровольно. Так будет проще всем.

— А мою золотую будете оценивать?

— Можем показать. Продать или оставить — ваше решение.

— Оставлю, — сказал Сапрыкин. — Пожалуй, мне хватит приключений. Но до магазина доеду. Посмотрю, что нынче покупают у взрослых людей за настоящие деньги.

Я позвонил сменщику: до конца дня вернуться уже не успевал. Он выругался из-за двух ожидавших машин. Я пообещал закрыть следующую смену и услышал, как он передаёт трубку старшему мастеру. Тот попросил больше не исчезать без предупреждения. День с кладом уже стоил мне чужого терпения и завтрашнего отдыха.

Я предложил подвезти Николая. Пока мы ехали по городу, он молча держал ладонь на кармане. У перекрёстка он вдруг рассмеялся и покачал головой.

— Мать-то была права. Отец всю жизнь возился с колёсами, а настоящие деньги хранил под ними.

— Бывает. Обычно после таких открытий наследникам достаётся только старая резина.

В магазине «Вторая полка» пахло деревом, бумагой и свежим кофе. Фёдор Ершов стоял за прилавком, споря с посетителем из-за цены старого подсвечника. Увидев моё лицо, он молча закончил разговор, отпустил клиента и только потом спросил:

— На этот раз что? Ещё одна вещь, которую полгорода считает своей?

— На этот раз собственник приехал лично, — ответил я.

Сапрыкин положил на стойку свою золотую монету, но оставил на ней ладонь.

— Она моя. Продавать не буду. А это Артём нашёл у меня в гараже. Мы договорились, что восемь серебряных и портсигар — его плата за работу. Он вправе продать.

Фёдор не стал изображать удивление. Подвинул к себе мою долю, долго рассматривал портсигар при обычной лампе, сравнил видимые клейма и состояние монет. У него были руки человека, который много лет держал старые вещи. Никаких чудес они не показывали. Просто уверенно различали грубую подделку и хорошую работу.

— Тридцать восемь тысяч рублей за всё, — сказал он наконец. — Если оставляешь мне портсигар и восемь серебряных монет.

— Сразу?

— Сейчас. Могу перевести. Или подождёшь, пока они подорожают до ста тысяч в твоём воображении.

— Переводи. Оно у меня последнее время слишком дорого обходится.

Фёдор посмотрел на Сапрыкина.

— Уверены, что разрешаете продажу?

— Я разрешил ещё у себя в гараже. Он эти деньги заработал. Я золотую заберу домой. И серебро своё тоже.

Через минуту телефон подтвердил поступление тридцати восьми тысяч рублей. Я показал экран Николаю, убрал деньги в привычную мысленную статью доходов и впервые за несколько дней почувствовал, что был в гараже именно кладоискателем. Остальные находки пока приносили больше споров, чем пользы.

Фёдор аккуратно убрал покупку. Потом посмотрел на мою разбитую кисть.

— К тебе покупатели приходят до продажи или после?

— Сегодня пришли до. Пытались забрать всё бесплатно.

— Удивительно стабильная коммерческая модель, — сказал он. — У меня таких клиентов давно не обслуживают.

Сапрыкин усмехнулся. Впервые за весь день старик выглядел спокойно. Мы вышли вместе. Он попросил высадить его у автобусного кольца: хотел зайти к Славе за чаем и поговорить с соседями о разбитой двери. Я не стал навязываться. Ему хватило чужого участия на целую неделю.

Когда машина осталась без пассажира, позвонил Важин.

— У гаражей опять появлялись люди Бурцева, — сказал я прежде, чем он успел спросить.

— Знаю. Нина уже услышала. Все живы?

— Сапрыкин жив, клад нашёлся, я получил деньги. Твоему знакомому Бурцеву передай, что он сегодня опоздал.

— Я с ним не дружу. И сообщать ему ничего не собираюсь. У нас другая проблема. Самойлов собирает людей возле бывшей автобазы на окраине. Бурцев отправил туда две машины. Нина услышала об этом от своих, которые видели их у подъезда к территории. Там, похоже, уже идёт подготовка к поискам.

— Автобаза? — переспросил я.

— Помнишь, вчера в клубе Самойлов упирался, что у его семьи была своя часть старого золота? Вот он и решил показать Кириллу место. Я еду посмотрю, что они затеяли. Без драки, если получится.

Я вспомнил довольное лицо Сапрыкина, золотую монету в его кармане и помятый портсигар, оставшийся у Фёдора. Сапрыкин закрыл свой гараж и уехал с собственной долей. Где-то за городом Бурцев уже высматривал клад куда крупнее.

— Один туда не суйся, — сказал я.

— Я и не собираюсь. Но завтра утром понадобится твоя помощь.

Связь оборвалась. Я выехал на освещённую улицу. На телефоне светилось уведомление о переводе за проданную долю. Монета Данилы по-прежнему оставалась у Самойлова; ни сегодняшняя находка, ни продажа не сделали её моей. Завтра мы с Гришей поедем к старой автобазе. Он уже прислал адрес и попросил приехать без опоздания. Бурцев тоже знал эту дорогу.

Глава 6. Клыки на трассе

Утром я уронил ключи. После вчерашних ударов бок отозвался болью, когда я за ними нагнулся. На правой кисти запеклись две царапины. Вчерашние тридцать восемь тысяч рублей уже лежали на счёте, а связку я поднял лишь со второй попытки.

В мастерской уже гремел компрессор. Сменщик, которому вчера достались мои машины, посмотрел на меня поверх кружки.

— Пришёл проверить, существует ли работа после обеда?

— Проверяю, не исчез ли ты вместе с моими клиентами.

— Работа никуда не делась. И моя следующая смена — твоя, помнишь?

— Помню. Я ещё вчера согласился.

Он посмотрел на разбитые костяшки и отвернулся к открытому капоту. За время нашего знакомства я выработал простое правило: если человек сам решил не задавать неудобный вопрос, отговаривать его глупо.

Я успел разобраться с одной машиной, когда позвонил Важин.

— Ты в мастерской?

— Угадаешь с первой попытки — получишь бесплатный кофе.

— Кофе оставь себе. Я всю ночь слушал, как приезжие волки изображают нормальных людей. Есть что рассказать.

— Самойлов нашёл золото?

— Если бы нашёл, они бы уже передрались. Пока осматривали территорию и спорили у въезда. Утром снова приехали. Готовят людей. Антон ведёт себя так, будто боится показать лишнее.

— А ты где?

— У заправки возле восточного выезда. Нога ноет, настроение соответствующее. Возьми машину и приезжай. Только без твоего любимого способа познакомиться с чужим бампером.

— Это бампер познакомился со мной первый.

Я договорился с мастером, что закончу начатое вечером, предупредил сменщика и выехал. Ничего героического: у нормальных людей пропущенная работа накапливается быстрее сокровищ. Заодно написал Марине, что мы с Гришей смотрим старую автобазу. Ответ пришёл почти сразу: «Я сегодня без погонь. После парковки и клуба хочу хотя бы один день, в который никто не заставляет меня колдовать». Я ответил, что поддерживаю её решение. И подумал, что сам тоже хотел бы такой день, только почему-то регулярно узнавал о возможности слишком поздно.

Важин стоял у кофейного автомата, придерживая стакан двумя пальцами. На скуле оставалась тонкая полоска после клубной драки, а вес он переносил на здоровую ногу. Его машину я увидел на стоянке за колонкой. На мою вмятину на капоте он даже не посмотрел. Благородство, неожиданное для старого знакомого.

— Что видел ночью? — спросил я.

— Самойлов привёз Бурцева к бывшей автобазе. Тот поставил своих людей у ворот, потом они ходили вдоль ограждения. Не всю ночь, конечно. Я уехал, когда понял, что в темноте они скорее друг другу глотки перегрызут, чем что-нибудь выкопают. Нина прислала двух своих посмотреть издалека. Никто из наших не лез внутрь.

— Значит, ты их даже не слышал?

— Слышал главное. Антон орал, что сначала покажет место, а уже потом позволит кому-то решать, сколько ему положено. Бурцев отвечал куда тише. Видимо, рассчитывал, что от спокойного голоса угрозы становятся воспитаннее.

Важин развернул стакан, посмотрел на пустую дорогу.

— Сегодня туда поехал серый седан. За рулём Вадим, рядом Самойлов. Две машины Кирилла идут следом. Мне нужно знать, когда они уйдут от ворот и кто останется на территории. Силой отобрать у них пустую автобазу мы сейчас не сможем.

— Ты предлагаешь следить?

— Смотреть своими глазами. Вчера мы уже выяснили, сколько стоят догадки.

Я оставил свою машину на парковке и сел к нему. На городском выезде было обычное утро: автобусы, развозные фургоны, люди с пакетами, водитель такси, ругающийся по громкой связи. Среди этого движения мы и отправились искать очередную причину оказаться под чужими колёсами.

Автобаза находилась дальше последней большой остановки, у старой дороги, которая прежде вела к предприятиям. Теперь часть территории сдавали под стоянки, а за бетонным забором тянулись пустующие корпуса. У въезда сохранилась выцветшая вывеска с силуэтом автобуса. Солнце уже поднялось, мокрый после ночного дождя асфальт отражал его разорванными пятнами.

Мы остановились на противоположной стороне улицы возле действующего магазина автотоваров. Оттуда были видны ворота и небольшой участок внутри, но никакого клада, разумеется, не просматривалось. Гаражный клад начинался с потрёпанной монеты. Здесь же под гладким асфальтом пока не виднелось ничего.

У ворот стоял чёрный внедорожник. Второй, с затонированными окнами, медленно прошёл по внутреннему двору. Серый седан Самойлова подъехал позже. Вадим Сурков вышел первым, огляделся и вытер ладонью мокрую крышу. Антон выскочил следом, резко указал на боковой въезд. На расстоянии слов было не разобрать, зато жесты выдавали человека, у которого терпение осталось в единственном экземпляре.

Бурцев появился из-за ограждения, подошёл к Антону и положил руку ему на плечо. Самойлов сразу напряг плечи и сбросил чужую ладонь, будто пальцы Бурцева оставляли ожог. Антон сбросил руку и что-то сказал. Кирилл улыбнулся. Один из его людей встал между седаном и воротами.

Спорщики вышли ближе к улице. Сквозь шум грузовика до нас долетели отдельные фразы.

— Мой родственник тогда искал с вашим волком! — выкрикнул Самойлов. — Вдвоём нашли. Человеческую часть спрятали здесь, и её никто после не забирал!

— Вот и покажи, — ответил Бурцев. — Дальше поговорим о доле.

— Сначала договоримся о моей безопасности!

Кирилл развёл руками, изображая оскорблённую заботу. Антон отступил к седану. Я видел, как он смотрит на людей Бурцева: каждый стоял на своём месте, каждый будто случайно перекрывал один из удобных выходов. Самойлов мог сесть в машину и уехать, если бы кто-нибудь из этих добрых знакомых решил освободить дорогу. Никто не освобождал. Того самого наследника, который ещё вчера уверял меня, что все вокруг ему обязаны, сегодня окружили его собственные союзники.

— Слышал? — сказал я.

— Слышал. Вот тебе происхождение второго клада, — ответил Важин. — Места Антон всё равно не показал. За корпусами слишком много старых площадок.

— Красиво договариваются, — заметил я.

— Смотри на Суркова, — сказал Важин.

Вадим не полез в спор. Он отошёл к машине, но дверь оставил открытой. Когда охранник Бурцева рванулся мимо седана, Сурков шагнул ему наперерез: рядом проходил работник автотоваров с коробками, и тот мог попасть под удар открывающейся дверцы. Оборотень оттолкнул водителя. Вадим устоял, посмотрел на Антона. Самойлов не заметил. Или сделал вид.

Важин тяжело выдохнул.

— Антон сам привёл их к своему золоту. И теперь его от машины не отпускают. Если он знает, где тайник, Кирилл скоро заставит показать.

— Пока они только спорят у ворот. А место может оказаться совсем в другом конце автобазы.

— Вот поэтому мы тут.

Я заметил, как из двора выехал чёрный универсал. Тот самый силуэт и характерная трещина на заднем фонаре, что мелькали за мной во время прежней погони. Универсал прошёл мимо магазина, не прибавляя скорости. За рулём был мужчина с широкой челюстью. Он взглянул в нашу сторону слишком внимательно.

— Нас узнали, — сказал я.

— Видел. Не дёргайся.

Но водитель уже достал телефон. Секунд через двадцать Бурцев перестал разговаривать с Самойловым и повернул голову к нашей стороне улицы. Улыбка исчезла. Он коротко махнул рукой. Чёрный внедорожник сразу подался к выезду.

— Пора, — сказал Важин.

Он тронулся плавно. Я оглянулся: за нами выехал универсал, а внедорожник пошёл параллельно по дороге за разделительной полосой. На перекрёстке первый остановился за нами. Второй исчез. Такое исчезновение меня не обрадовало. Особенно когда водитель универсала перестал смотреть на светофор и начал изучать нашу машину.

— Возвращаемся в город? — спросил я.

— Сначала оторвёмся от этой компании. Потом посмотрим, куда двинется Самойлов. Он ещё не уехал.

На следующем светофоре Гриша свернул к промышленным складам. Универсал повторил поворот. На пустом участке дороги он приблизился почти вплотную. Я увидел в зеркале две головы на передних сиденьях. Пассажир держал телефон возле лица.

— Я бы предложил им такси вызвать, — сказал я. — Но они, похоже, уже выбрали водителя.

Важин ничего не ответил. Он смотрел вперёд. Впереди дорога сужалась возле пустыря и снова выходила к оживлённой трассе. На обочине стоял грузовой фургон. Возле него, прислонившись к борту, курил мужчина в оранжевой куртке. Откуда-то доносился стук железа. Привычный городской фон, в котором слишком легко не заметить засаду.

Внедорожник возник справа, с бокового проезда, и перекрыл нам путь. Гриша резко затормозил. Универсал сзади ударил нас в бампер. Меня швырнуло вперёд, ремень сдавил грудь. Повреждённый бок откликнулся так, что воздух вышел со свистом.

— Выходим! — сказал Важин.

Дверца внедорожника распахнулась. Из неё вышли двое. Один высокий, худой, в тёмной куртке; у второго была ссадина на лбу. Последнего я помнил по гаражу Сапрыкина. Тогда он пытался вырвать у меня коробку. Сегодня пришёл без поздравлений с удачной продажей.

Гриша выбрался на дорогу первым. Опирался осторожно, но двигался достаточно быстро, чтобы не дать худому схватить себя за ворот. Парень ударил, Важин отвёл руку и всадил ему кулак в живот. Тот согнулся, однако удержался на ногах. Из универсала выскочил ещё один и направился ко мне.

Я захлопнул дверь перед его носом. Он выругался, отступил на полшага. Я вышел с другой стороны, обошёл передок и увидел, как человек из гаража ухватил Важина за плечо. На кистях противника уже выступали когти.

— Гриша, справа!

Важин услышал меня и резко сместился на звук. Удар прошёл мимо лица, задел куртку. Гриша ответил, но почти сразу поставил ногу неудачно и поморщился. Противник заметил слабость, рванулся снова.

Я врезался ему сбоку плечом. Мы оба ударились о крыло внедорожника. В ушах зазвенело; я услышал только хруст металла под нашим весом. Оборотень оскалился и ударил меня в грудь. Я отлетел к дверце. Правой рукой уцепился за край, пальцы подвели, и я едва удержался от падения. Перстень оставался обычным холодным железом. Против когтей и кулаков он был украшением весьма сомнительной ценности.

Худой попытался зайти Важину за спину. Гриша уклонился, но теперь их было двое на одного. Я увидел на асфальте распахнутую дверцу внедорожника, проскользнул между противниками и ударил одного дверью по колену. Он завыл. Второй схватил меня за куртку. Я вывернулся, оставив ему часть подкладки, и сбил его на бок автомобиля. Тот бросился обратно с такой яростью, что я успел подумать: в его жизни явно не хватало хороших новостей.

На обочине кто-то закричал. Мужчина в оранжевой куртке отбежал от фургона, прижимая к уху телефон. Зрители появились быстро, но полагаться на них как на подкрепление было бы странно. Двое оборотней уже начали меняться: плечи расширились, зубы стали длиннее, речь превратилась в рычание. На открытой дороге они чувствовали себя свободнее, чем в тесном гараже.

— В машину! — крикнул Гриша.

Я нырнул на пассажирское сиденье. Важин оттолкнул противника, захлопнул свою дверцу и дал газу. Внедорожник остался поперёк проезда, но вдоль него хватало места проскочить к трассе. Универсал рванул следом. За рулём Гриша держался спокойно, хотя каждая резкая смена положения заставляла его стискивать зубы. Мне досталась роль человека, который смотрит назад и сообщает плохие новости.

— Слева тот самый универсал, — сказал я. — И ещё один выезжает от автобазы.

— Второй откуда?

— Сзади, возле магазина. Похоже, нас действительно ждали.

— Тогда у них слишком много машин для археологических интересов.

На городской трассе было плотнее. Утренние автобусы развозили людей, грузовики занимали правую полосу, легковушки торопились к светофорам. Здесь любое безумство превращалось в общую проблему за пару секунд.

Я оглянулся. На расстоянии нескольких машин за нами мелькнул серый седан. Сурков вёл осторожно, не выскакивал на встречную полосу и не лез между грузовиками. Рядом сидел Самойлов, наклонившись вперёд. Он несколько раз резко указал рукой в нашу сторону, но Вадим не прибавил скорости.

— Антон тоже в погоне, — сказал я.

— Значит, Кирилл отпустил его от ворот. Или решил показать, с кем ему придётся иметь дело.

Через минуту серый седан свернул на дорогу вдоль автобазы. Бурцевские машины разделились: универсал остался за нами, внедорожник пошёл параллельно по соседнему проезду. Самойловский седан вернулся к воротам автобазы, пока нас тянули по соседним проездам. Бурцев отвёл от него обе наши машины. Вполне работоспособный способ обыграть двух упрямцев, особенно когда у одного больная нога, а у второго сильно пострадал здравый смысл.

— Если сейчас бросим их, — сказал я, — Антон уйдёт к золоту.

— Он уже ушёл, — ответил Важин. — Вопрос, сколько времени мы ещё будем здесь играть в догонялки.

На развязке универсал резко вышел вперёд. Я ожидал, что он снова попробует ударить нас сзади, но водитель выбрал другой способ: сначала прижал нас к краю полосы, потом метнулся к встречному направлению. За поворотом показался светлый старый седан с багажником на крыше. За рулём сидел седой мужчина. На пассажирском месте я увидел женщину, которая держалась за ручку двери.

Водитель универсала направил машину им навстречу. Перед манёвром пассажир прижал телефон к уху и дождался короткого кивка. Я не слышал приказа, но слишком хорошо видел, насколько вовремя седан оказался между нами и поворотом. Они заранее решили, кем задержать погоню.

— Гриша!

Важин увидел угрозу раньше моего крика. Он мог уйти за универсалом на свободный проезд справа. Там исчезал поворот к автобазе, по которому только что ушёл Самойлов. Мы успели бы хотя бы увидеть, где поставят людей у старых корпусов.

Светлый седан метнулся к обочине. Женщина прижала ладони к лицу. Седой водитель пытался удержать машину на дороге, но рядом был высокий бордюр и столб остановки. Ещё секунда — и его развернуло бы прямо под встречные колёса.

— За ними потом! — крикнул я.

Гриша резко повернул к седану. Уходивший к автобазе поворот остался позади; я успел увидеть его в боковом стекле и понял, что выбора больше нет. Наша машина встала между седаном и универсалом, вынудив того отказаться от прямого столкновения. По боку прошёл тяжёлый удар. Мир дёрнулся. Что-то громко разбилось. Важин удержал направление, и универсал, скользнув по мокрому асфальту, вылетел дальше к пустому карману остановки.

Светлый седан задел бордюр и остановился боком. Из-под капота поднялся слабый пар. Внутри шевелились двое. Сзади посыпались гудки. Гриша остановил нашу машину у обочины. Его руки побелели на руле.

— Целы? — спросил я.

— Ногу чувствую. Остальное проверим позже. Иди к ним.

Я выбрался, стараясь не опираться на правую кисть. У седана мужчина пытался открыть дверь, но та застряла. Женщина кричала, чтобы он перестал дёргать. Я ухватился за ручку с её стороны. Дверь наконец поддалась. Она вышла сама, держась за моё предплечье, и тут же повернулась к водителю.

— Он ударился головой!

Седой мужчина сидел прямо. На виске была кровь, глаза оставались ясными.

— Живой я, — сказал он сердито. — Кто этот идиот?

— У него очень насыщенное утро, — ответил я. — Вы можете выйти?

Он кивнул. Важин подошёл с другой стороны, помог мужчине выбраться, удерживая вес на здоровой ноге. Больше возиться не потребовалось: возле остановки уже останавливались люди, женщина из соседней машины звонила за медицинской помощью. Седой водитель опёрся о собственную дверцу и разглядывал чёрную полоску на кузове нашей машины.

— Это из-за вас они на меня вылетели?

Я хотел сказать, что мы сами едва успели. Потом вспомнил людей у гаража, разбитую дверь Сапрыкина, вчерашние угрозы в клубе. Человек имел право злиться. Ему досталась чужая война без приглашения.

— Они преследовали нас, — сказал я. — Вы на дороге оказались случайно. Простите.

Мужчина долго смотрел на меня. Затем выдохнул и протянул женщине руку. Спорить дальше ему сейчас было не до чего.

Универсала в кармане остановки уже не было. Пока мы вытаскивали людей, он уехал. Туда же исчезли остальные машины Бурцева. Серый седан Самойлова давно скрылся за поворотом к автобазе.

Важин прислонился к своей машине. На двери осталась длинная вмятина. Он молчал так долго, что я спросил, не хуже ли ему.

— В порядке, — сказал он. — Просто представляю, как Кирилл сейчас хвалит своих бойцов. Они выиграли для него время и оставили нам счёт за кузов.

— Сурков не полез на встречную. Видел?

— Видел. Не все, кто возит Самойлова, хотят убивать прохожих.

Старая дорога виднелась из-за грузового павильона; там уже перекрыли выезд. До автобазы отсюда было несколько поворотов, но возвращаться прямо сейчас не имело смысла. У ворот стояли люди Бурцева, а мы только что стали причиной чужой аварии. Даже если бы Гриша мог снова вести, второй попытки они ждали бы заранее.

На асфальте возле чужого седана валялась небольшая спортивная сумка, вылетевшая из приоткрытого багажника. Женщина заметила её и попросила подвинуть к машине. Я поднял сумку здоровой рукой. Внутри звякнули стеклянные банки. Мужчина с разбитым виском пояснил, что они везли домашние заготовки дочери. Весь их маршрут, вся сегодняшняя забота сводились к обычной поездке по городу. Бурцев даже не видел этих людей до той секунды, когда решил поставить их автомобиль поперёк нашей дороги. Я поставил сумку рядом с женщиной и вдруг почувствовал злость сильнее, чем во время драки. Кулаками здесь уже было нечего исправлять.

У Важина завибрировал телефон. На экране высветилось имя Нины Ракитиной. Гриша выслушал несколько резких фраз, потом посмотрел на меня.

— У въезда добавили людей. Самойлов с Сурковым внутри. Бурцев приказал никого из местных к территории не подпускать.

— И они уже копают?

— Нина не видит. Пока ходят между корпусами. Ворота держат. Кирилл получил свою автобазу на сегодняшнее утро.

Впереди послышался приближающийся сигнал машины помощи. Я отошёл в сторону, уступая дорогу. Седой водитель всё ещё держал жену за руку. Мы с Гришей видели его впервые и, если повезёт, больше никогда не увидим. Он уедет домой с больной головой и повреждённой машиной. Мы вернёмся к людям, которые это устроили.

— Золото пока на месте, — сказал я.

— Ты этого не знаешь.

— Знаю, что мы его не видели. Антон тоже ничего не вынес, когда мы наблюдали. А дальше будем смотреть сами.

Гриша усмехнулся без веселья.

— Сперва машину до города довезём. Завтра мне на работу, и мои сотрудники ждут начальника, у которого ещё есть дверь снаружи.

— Сегодня им уже повезло больше, чем мне с капотом.

Он посмотрел на меня так, словно был готов повторить столкновение ради возможности заставить меня замолчать.

Мы медленно поехали обратно. Мимо снова тянулись автобусы, магазины, остановки. Нормальный город упорно делал вид, что никаких волчьих войн здесь не происходит. Я достал телефон и набрал Фёдора. Он ответил после нескольких гудков, недовольно, как всегда, когда его отвлекали от клиента.

— Ты вчера купил у меня гаражную находку, — сказал я. — Если кто-то сегодня придёт расспрашивать о ней, не обещай ничего чужим людям.

— Артём, я продаю антиквариат, а не чужие секреты.

— Эти посетители раньше пытались решить вопрос кулаками. Один с когтями.

— Очень убедительно. Обязательно передам им, что у меня товар оценивают глазами.

— Я серьёзно.

— Я тоже. Если они придут, первыми узнают цену испорченного имущества. Ты сам теперь не в долгах у магазина?

— Пока нет. И хотелось бы сохранить эту традицию.

Фёдор хмыкнул и отключился. Я убрал телефон. Предупреждение прозвучало достаточно ясно; что с ним делать, хозяин «Второй полки» решит сам.

Бурцев удержал подступы к автобазе. Самойлов оказался за её воротами и теперь мог показывать своему союзнику всё, что знал о семейном золоте. За это преимущество Кирилл расплатился чужим испугом и чужой разбитой машиной; в его расчётах эти люди, похоже, вообще не существовали. Женщина стояла возле помятого седана, не выпуская руку водителя. Я посмотрел на них, пока Важин заводил двигатель. Поворачивать к автобазе было уже поздно.

В следующий раз я хотел добраться до клада раньше Кирилла. И желательно не через лобовое стекло.

Глава 7. Антиквар с характером

К магазину Фёдора я приехал ближе к вечеру, когда город успел нагреться, остыть под коротким дождём и снова убедить себя, что лето ещё не закончилось. Дорога к «Второй полке» заняла четверть часа. Перед глазами всё ещё стоял забор автобазы и Самойлов, скрывшийся за воротами. Если он доберётся до тайника первым, наши синяки окажутся бесполезной платой за его золото.

Перед поездкой к Фёдору я успел закончить начатый утром заказ, выслушать от сменщика подробное описание моей ненадёжности и согласиться выйти за него в выходной. Тогда-то Фёдор и позвонил.

— У тебя есть привычка предупреждать людей об опасности, а затем уезжать куда подальше? — спросил он вместо приветствия.

— Обычно уезжаю туда, где опасность уже случилась.

— Тогда приезжай в магазин. Тут крутятся двое, один задаёт вопросы о вчерашней продаже, второй считает окна. Мне такой способ выбирать подарки не нравится.

— Они уже внутри?

— Нет. Пока притворяются прохожими. Я решил дать тебе возможность увидеть, насколько убедительны твои знакомые.

— Закройся на час.

— У меня покупательница ждёт заказ. И вообще, Артём, я не закрываю магазин каждый раз, когда мимо проходит невоспитанная собака.

Он отключился. Возражение пришлось оставить себе. Фёдор был старше большинства людей, которых мне доводилось встречать, а упрямством мог пережить и памятник, и того, кто его установил. Но двое возле витрины после утреннего развлечения на трассе мне не понравились.

Я позвонил Важину. Тот ответил сипло, будто последние полчаса спорил с собственной ногой.

— Фёдора пасут. Еду к нему.

— Я сейчас у агентства. Нина выясняет, куда Бурцев дел своих разведчиков. Если приедут его люди, не геройствуй с перстнем. Они умеют бить обычными кулаками.

— Уже заметил.

— Я выдвинусь, когда смогу. Но до магазина от меня полгорода. Не рассчитывай на красивое появление.

— После сегодняшней поездки я вообще стараюсь меньше рассчитывать на транспорт.

Машину я оставил на общественной стоянке в двух кварталах от «Второй полки». До магазина прошёл пешком. Уличные музыканты у перехода играли что-то весёлое, продавец мороженого ругался с водителем доставки, женщина с мокрым зонтом спешила к автобусу. Обычный вечер. Именно в таких вечерах мерзавцы почему-то чувствовали себя особенно свободно.

У витрины магазина стоял худой мужчина в серой куртке. Он рассматривал серебряные ложки так внимательно, словно собирался на них жениться. На другой стороне улицы прохаживался крепкий парень с коротким затылком. Его лицо я узнал сразу: он сидел в универсале Бурцева во время утренней погони. На скуле у него красовался свежий синяк. Наше знакомство развивалось в неприятном направлении.

Мужчина в сером поднял голову. Я свернул к двери раньше, чем он успел решить, стоит ли за мной идти. Звякнул привычный колокольчик. Внутри пахло полировкой, старой бумагой и дорогим кофе, который Фёдор иногда пил с выражением человека, сомневающегося в нравственности напитка.

За стойкой сам хозяин препирался с пожилой посетительницей. Женщина держала упакованную настольную лампу и требовала объяснить, почему у неё такой тяжёлый абажур.

— Потому что сделан из стекла, — терпеливо ответил Фёдор. — Вы сами выбрали именно эту лампу.

— А вдруг я передумаю?

— Тогда она останется у меня. Я люблю вещи, которые не выясняют отношения после покупки.

Увидев меня, он коротко кивнул и вынес покупательнице сдачу. Та ещё раз осмотрела свёрток, вздохнула и пошла к двери. Я придержал ей дверь и дождался, пока она выйдет на улицу. Потом остался у входа, откуда просматривались оба тротуара. Фёдор поднял бровь.

— Решил заняться торговлей?

— Решил, что следующего посетителя стоит встретить без посторонних.

— Отправь его в отдел воспитания. Тут рядом ничего подходящего нет, но можно импровизировать.

Вчера он выкупил у меня восемь серебряных монет и старый портсигар. Тридцать восемь тысяч рублей пришли переводом ещё при Сапрыкине. Я на секунду задержал взгляд на витрине. Портсигара там не было. И правильно: что куплено, то теперь принадлежит Фёдору. У него хватало причин не раскрывать чужим людям, куда он положил товар.

— Ты видел тех двоих? — спросил я.

— Серого у окна и широкого напротив? Серый уже заходил. Хотел узнать, не приносили ли мне из старого гаража золотую монету и сколько я за неё заплатил. Я предложил ему купить часы. Он отказался.

— А ты?

— Я тоже. От дальнейшего разговора.

На низкой полке за стойкой стояла маленькая оловянная рыбка с повреждённым хвостом. Я узнал её сразу: когда-то вытащил из речного сундука, потом отдал Фёдору. Для других покупателей она выглядела дешёвой безделушкой. Он держал её рядом с рабочим местом, не выставляя ценника. Фёдор заметил мой взгляд и незаметно пододвинул рыбку глубже за стойку.

— Они думают, что у тебя всё из гаража, — сказал я. — И что через тебя можно добраться до остальных тайников.

— Ты ведь объяснил, что я покупаю только то, что мне принесли по доброй воле?

— Людям Бурцева труднее всего даются слова «добрая воля».

— Тогда пусть тренируются у другого продавца.

Колокольчик на двери звякнул второй раз. Серый вошёл без приглашения, за ним — крепыш с синяком и ещё один, рыжий, в тёмной рубашке. Последнего я не видел раньше. Посетителей они изображали плохо: никто не посмотрел на витрины, зато все трое оценили расстояние до стойки.

— Закрыто, — сообщил Фёдор.

Серый перевёл глаза на вывеску.

— Написано, что открыто.

— Это вывеска для покупателей. Вы сюда с вопросами.

— У нас вопросы к сделке, — произнёс серый. — Вчера к вам принесли вещи из гаража. Нам нужна вся партия. И имена тех, кто приносил.

— Можете приобрести то, что выставлено на продажу. Имена покупателей я с товаром не выдаю.

Рыжий шагнул к боковому проходу между шкафами. Я передвинулся, перекрывая ему дорогу. Он смерил меня взглядом и усмехнулся.

— А вот и механик. Тебя Кирилл тоже просил найти.

— Так передай, что я всё ещё работаю по специальности. Для некоторых его людей это хорошая новость.

— Нам нужна монета Данилы, — сказал серый. — И остальное серебро. У тебя вчера была коробка.

— Отдельную монету забрал Самойлов, — ответил я. — Остальное разделено с хозяином гаража. Фёдор купил мою долю. На этом ваша экскурсия по чужим карманам закончена.

— Не тебе решать, когда она закончена.

Он вытащил руку из кармана. В пальцах блеснула тяжёлая металлическая зажигалка. Фёдор посмотрел на неё с искренним неодобрением.

— Курить снаружи. Особенно если собираетесь поджигать занавески ради убедительности.

Крепыш врезал ладонью по краю стеклянной витрины. Она дрогнула. Серый потребовал ключи от внутренних шкафов. Имена, деньги, монеты — всё они произносили тем тоном, каким на парковке требуют отдать занятую машину. Наглость была уже отрепетирована. Значит, следующим номером пойдут руки.

Рыжий двинулся первым. Он попытался схватить меня за ворот, но я развернулся боком и ударил его плечом. Мы столкнулись возле шкафа с керамикой. Я успел придержать полку левой рукой, а противник ткнул кулаком мне под рёбра. Боль после утренней аварии вспыхнула заново. На миг стало трудно вдохнуть.

Серый достал короткую дубинку. Обычную, тяжёлую, без малейшего намёка на чары. Перстень на правой руке оставался безучастен. Я отступил, выставив перед собой стул. Серый ударил по его спинке. Дерево треснуло.

Фёдор уже двигался. Крепыш кинулся к стойке и перехватил его за пиджак. Хозяин магазина позволил себя притянуть на полшага, после чего с размаху ударил нападавшего лбом в переносицу. Тот вскрикнул и отшатнулся, хватаясь за лицо. Фёдор расправил измятую ткань.

— Вот теперь у вас есть основание попросить скидку на носовой платок.

Рыжий снова полез ко мне. Я толкнул в него стул, выиграл мгновение и ударил кулаком в подбородок. Правая кисть отозвалась резкой болью. Противник пошатнулся, но сразу бросился обратно и прижал меня к шкафу. Над головой зазвенела посуда. На пол посыпались чашки, одна разбилась у наших ног. Я ударил рыжего коленом в бедро и освободил плечо.

— Фёдор! — выкрикнул я.

У стойки крепыш уже менялся. Его пальцы вытянулись, ногти почернели и загнулись когтями, в уголках рта выступили длинные зубы. Куртка натянулась на плечах. Фёдор отступил к тёмному проходу между двумя высокими шкафами. Крепыш рванулся за ним.

За шкафом лежала плотная тень, другая темнела у дальней стенки возле высокого комода. Между ними было метра четыре свободного пола, и я одновременно видел обе. Фёдор скользнул из одной в другую таким быстрым коротким рывком, что взгляд не успел удержать его силуэт. У дальней стенки раздался резкий стук, будто кто-то хлопнул по деревянной панели.

Оборотень обернулся на звук, потеряв Фёдора из виду. Это заняло меньше секунды. Вурдалак уже стоял возле комода и с силой толкнул тяжёлого противника в бок. Крепыш налетел на край стойки, опрокинул небольшой поднос и осел на колено. Фёдор остался возле комода, тяжело опираясь на ладонь. Второй прыжок через тени сейчас мог оставить его без сил прямо под чужими кулаками.

Серый заметил манёвр. Он достал из кармана мощный фонарь и направил луч в проход между шкафами. Свет выхватил пол, стёр глубокую тень и ослепил меня на мгновение. Фёдор остался возле комода, не пытаясь прыгнуть снова. Я запомнил простую вещь: яркий свет лишал его короткого пути.

Рыжий не стал ждать. Он подхватил с пола осколок тяжёлой керамической тарелки и пошёл на меня. У него дрожала рука, на щеке была кровь. Я пятился, пока не упёрся спиной в входную дверь. За стеклом остановились прохожие. Кто-то смотрел на наше представление с таким выражением, будто сомневался, нужно ли звонить знакомым или скорее уходить.

— Остановись, — сказал я рыжему. — Тебя уже никто не просил умирать за чужой порт-сигар.

— Заткнись!

Он полоснул осколком. Я отдёрнул голову, почувствовал, как край задел ворот рубашки, и схватил его запястье здоровой рукой. Мы ударились о дверь. Колокольчик задребезжал без остановки. Рыжий навалился всем весом. Ноги скользнули по разбитой чашке. Я вывернул его руку от себя и врезал коленом в живот. Осколок упал. Противник согнулся, я вытолкнул его плечом к порогу.

Крепыш поднялся за моей спиной. Он схватил со стойки старые настольные часы и с размаху швырнул в Фёдора. Тот уклонился, но часы разбились о стекло шкафа. Посыпались прозрачные куски. На полке возле кассы дрогнула оловянная рыбка. Фёдор на секунду отвлёкся на неё — и получил удар когтистой ладонью по предплечью.

Кровь проступила сразу. Фёдор отступил, лицо его изменилось. Исчезла обычная насмешка. Он схватил крепыша за запястье и ударил его о деревянный край стойки так сильно, что тот завыл. Потом оттолкнул нападавшего и накрыл собой полку с рыбкой. Пока нападавший корчился у стойки, Фёдор проверил, цела ли рыбка.

Серый пошёл ему на помощь с дубинкой. Я подхватил упавший стул и ударил по руке серого. Дубинка вылетела, задела металлическую ножку витрины и отскочила к стене. Серый бросился на меня. Мы сцепились в тесном проходе. Он бил коротко и зло, пока мне не удалось врезать ему локтем в скулу и впечатать в стену рядом с входом.

Из-за двери донёсся голос женщины:

— У вас всё нормально?!

— Магазин временно переоценивает ассортимент! — рявкнул Фёдор.

Ответ оказался достаточным, чтобы женщина отошла. Серый попробовал достать из кармана телефон. Фёдор заметил и зло бросил:

— Кириллу передай лично. Я помню лица и не продаю сведения о чужих покупках. Ещё раз войдёте без приглашения — вынесете свои зубы в пакете. А разбитые часы я ему запомню отдельно: их уже забронировал живой покупатель, которому не объяснишь ваши волчьи обычаи.

Крепыш смотрел на рассечённое предплечье Фёдора, тяжело дыша. Ему уже было больно, но звериные изменения не исчезли до конца. Он оценил разбитые шкафы, меня со стулом и хозяина магазина, который больше не улыбался. Решение созрело довольно быстро.

— Пошли, — хрипло сказал он серому.

— Кирилл сказал…

— Я слышал, что сказал Кирилл. Иди!

Рыжий выскочил первым. Серый отступил к двери, пытаясь сохранить достоинство на лице с распухающей скулой. Крепыш двинулся следом, зажимая повреждённую руку. Я не стал преследовать их на улице: три противника, имеющие машину и возможность обернуться, могли быстро превратить нашу небольшую победу в новую бессмысленную погоню. Вместо этого захлопнул дверь и повернул замок.

Фёдор стоял посреди осколков. Он смотрел на разбитые часы, затем осторожно поднял рыбку. Вещица уцелела. Хозяин отряхнул её от стеклянной пыли и убрал во внутренний карман пиджака.

— Неплохой вечер, — сказал он глухо. — Три гостя, ни одной покупки.

Дверной колокольчик снова звякнул. Я приготовился к четвёртому бойцу, но на пороге стояла та самая пожилая покупательница с лампой. Увидев стекло, она прижала свёрток к груди.

— Вы обещали положить запасную прокладку к абажуру, — напомнила она Фёдору. — А теперь у вас тут разгром. Лампа хотя бы моя уцелела?

— Ваша уцелела, — ответил Фёдор. — До дома донесёте — и будет чудо торговли.

— Я вернулась пешком, между прочим. Значит, прокладку дадите. И новую упаковку. С этой меня в автобус не пустят.

Фёдор молча достал чистую бумагу из неповреждённого ящика. Он ещё пытался спорить с оборотнями, но спорить с покупательницей не собирался. Она наблюдала за его перевязанной рукой, пока я помогал заворачивать стекло, и наконец сказала:

— Скидку за ожидание я не прошу. Но к вам теперь только по записи.

Когда дверь закрылась, Фёдор посмотрел на меня. Трое незваных гостей обошлись ему в разбитые часы. Одна женщина заставила исполнить мелкий заказ. Второе поражение он счёл позорнее.

— Зато они оставили материал для жалобы на качество обслуживания.

— Артём, если ты сейчас скажешь ещё что-нибудь про гарантии, я выставлю счёт за каждый разбитый бокал отдельно.

Я промолчал. Фёдор осмотрел порез на предплечье, прижал к нему чистую салфетку. Кровь перестала течь быстро, но ранение осталось вполне настоящим. Вурдалаки умели выдерживать больше людей. От боли и повреждений это их не освобождало.

За витриной собрались несколько прохожих. Кто-то сердито показывал на пол. Я повернул табличку «Закрыто». Фёдор осмотрел ущерб, тихо выругался и позвонил мастеру по стёклам. Долгих разговоров не понадобилось. После звонка он назвал сумму, которую придётся потратить на восстановление витрины. Я невольно присвистнул.

— Двадцать четыре тысячи? Из-за одной разбитой дверцы?

— Там старое фигурное стекло. И эти часы были исправны. Их уже не вернуть. Считай, сегодня я оплатил чужую попытку стать хозяевами города.

— Я помогу.

— Ты уже помог. Если бы тебя не было, мне пришлось бы драться с ними на два метра ближе к двери. Остальное — мои дела.

Он говорил сухо, но на рыбку в кармане время от времени поглядывал. Я понимал, почему.

Снаружи затормозила знакомая серая машина. Я увидел Суркова за рулём. Он припарковался аккуратно, не загораживая соседний подъезд. Антон Самойлов вышел, посмотрел на разбитую витрину и задержался возле двери. Я вышел к двери раньше, чем Самойлов успел войти через осколки.

— Это ко мне, — сказал я.

Фёдор пересёк магазин и отпер дверь. Самойлов остановился на пороге. Сурков остался у машины.

— Кирилл прислал людей, — произнёс Антон, оглядывая осколки. В его голосе было больше досады, чем удивления. — Мне сказали, они только поговорят.

— Пусть передадут, что разговор обошёлся дорого, — отрезал Фёдор. — Если пришёл покупать, открываю. Если просить имена моих клиентов — до свидания.

— Я не за этим. Кирилл использует меня, чтобы найти семейное золото. А вы можете помешать ему забрать всё.

— Тогда отступи, чтобы мне было видно улицу.

Антон не послушался сразу. Он посмотрел на меня, на мою порванную рубашку, на кровь у Фёдора под салфеткой.

— Горин, я предупреждал, что Бурцев не станет ждать.

— Ты его сам сюда привёл. Легче от твоего предупреждения никому не стало.

Самойлов скривился.

— Он ищет не гаражное серебро. Ему нужна человеческая часть того старого золота. Но его люди решили, что через магазин проще получить подсказку.

— Ты им сказал, где она?

— Нет.

— Зато показал автобазу.

Антон оглянулся на серый седан. Сурков сидел неподвижно, глядя на дорогу. Впервые за время знакомства мне показалось, что Самойлов не уверен, кто именно из его нынешних союзников останется рядом, когда золото найдут.

— Мой дед рассказывал про старую стоянку, — сказал Антон. — Там однажды засыпали провал. Потом сверху положили новый асфальт, а через несколько лет всё опять просело. Я думал, мне хватит одного взгляда. Но место изменилось.

— И поэтому ты ходишь по всем корпусам вместе с Бурцевым?

— Он поставил людей у ворот. Вадим вчера пытался проехать к дальней пристройке. Я запретил. Там асфальт пустой под колёсами. И утром опять видел, как Кирилл гоняет своих людей между корпусами, где давно ничего не осталось.

Я вспомнил выцветшую вывеску с автобусом, мокрый двор и серый седан у въезда. С противоположной стороны улицы нам открывался только кусок территории; за корпусами я ничего не видел. Теперь я хотя бы знал, куда смотреть при первой возможности пройти внутрь: на дальнюю пристройку и осевшую полосу покрытия. Старый провал сам по себе ещё не означал тайник. Там могло быть что угодно, вплоть до пустоты, которую никто не захотел заделывать как следует.

— Ты слишком много рассказываешь человеку, с которым дрался из-за одной монеты, — заметил я.

Самойлов сжал губы.

— За монету я тебе не должен. Она принадлежала моей семье.

— Пока это твои слова. Данила нашёл её возле другого гаража. Ты забрал её силой.

— Она у меня. И останется.

Он похлопал по карману куртки. Ни кошелька, ни монет он не показывал, но мне хватило жеста. Отдельная серебряная находка Данилы по-прежнему находилась у Самойлова. Обменивать её на сведения я не собирался.

— Что тебе нужно сейчас? — спросил я.

Антон замолчал. За его спиной Вадим опустил стекло и коротко позвал его. На улице прошла чёрная машина с тонированными боковыми окнами. Сурков дождался, пока та исчезнет, и только потом открыл дверцу.

— Бурцев отправил людей к лесу, — сказал Антон тише. — Говорит, что местные волки прячут свою половину там. Если верить его разговорам, сегодня у него будет ещё одна удачная охота.

Фёдор усмехнулся.

— В лесу у него могут оказаться очень строгие хозяева. И цены на чужую самоуверенность там другие.

Самойлов не оценил шутку. Он вышел, хлопнув дверью, и направился к машине. Сурков дождался его, включил поворотник и спокойно выехал в поток. Я заметил, что водитель ни разу не посмотрел на разбитую витрину. Зато внимательно следил за чёрным автомобилем, исчезнувшим на перекрёстке.

— Он тебя предупреждал? — спросил Фёдор.

— Похоже. Хотя сам ещё не решил, на чьей он стороне.

— Надеюсь, не на стороне моих окон.

Телефон завибрировал. Важин звонил уже второй раз. Я ответил, отходя от битого стекла.

— У нас здесь были гости Бурцева, — сказал я. — Фёдор цел, магазин пострадал.

— Слышал. Нина говорит, часть приезжих ушла к Сосновому логу. Там у старой лесной дороги видели два чужих автомобиля и свет среди деревьев. Местные туда пока не суются.

— Антон только что сказал то же самое. Зачем им лес, если человеческое золото на автобазе?

— Кирилл хочет искать сразу обе части. Или решил напугать Нину. Я еду посмотреть снаружи. Ты можешь остаться в городе.

Фёдор осторожно поднял разбитые часы, проверил циферблат и молча положил их отдельно от целого товара. За этот вечер он уже заплатил больше, чем собирался. Драка кончилась, но чужаки уже отправились дальше. Если ждать, следующая неприятность сама выберет адрес.

— Встретимся возле выезда к Сосновому логу, — сказал я. — Только без погонь. Сегодня мне хватит автомобилей.

— Посмотрим, сумеем ли мы сохранить это благородное намерение.

Я попрощался с Фёдором и вышел из магазина. Он остался среди разбитого стекла, с окровавленным предплечьем и уцелевшей оловянной рыбкой. Никаких имён он врагам не назвал, никакого чужого золота им не отдал. Теперь ему предстояло восстанавливать магазин за собственные деньги. Так иногда выглядит победа взрослого человека, который отказался открыть чужим людям свой шкаф.

По пути к машине перед глазами возник просевший асфальт у дальней пристройки, о котором говорил Самойлов. Я пока даже не видел этого места своими глазами. Вернусь туда, когда смогу подойти без толпы чужих бойцов. Сначала нужен был свободный подход к гаражам автобазы. Фёдору сегодня уже достаточно досталось из-за моей поспешности.

А пока Бурцев направился в лес, где даже его оборотни могли оказаться нежеланными гостями. Важин не отвечал на звонок. Пришлось ехать в сторону Соснового лога, имея на руках только его тревожное предупреждение о чужих машинах.

Глава 8. Собачья голова в темноте

От магазина Фёдора я выехал, когда фонари уже зажглись, а небо ещё цеплялось за остатки светлого дня. На соседнем перекрёстке какой-то курьер отчаянно ругался с водителем такси. У остановки женщина кормила голубей из бумажного пакета. Парень потряс перед таксистом смятым чеком и потребовал свои деньги. Я невольно задержал взгляд. Их ссора была понятной, громкой и почти безопасной: никто не собирался отращивать клыки посреди перекрёстка.

Важин велел ждать у выезда на Сосновый лог, возле круглосуточной автомойки. Я увидел его машину на площадке перед киоском с напитками и сигаретами. Гриша стоял, прислонившись к крылу, и разговаривал по телефону. По лицу понял: собеседник был из тех, кто любит приказывать. Я припарковался рядом и дождался, пока он закончит.

— Нина? — спросил я.

— Она. Требует, чтобы я немедленно перестал соваться под ноги её людям.

— А ты?

— Сказал, что мои ноги сегодня и без того не в лучшем состоянии. Она не оценила.

Он попробовал оттолкнуться от машины и чуть заметно поморщился. После дорожной засады старая травма давала о себе знать. В клубе он скрывал боль за привычной злостью; здесь притворяться было не перед кем.

— Нина знает, зачем Бурцев полез в лес?

— Считает, что Кирилл ищет вторую половину старого клада. Точного места у него нет. Он послал разведчиков туда, где прежде ходили местные волки. Пытались поставить лагерь у заброшенной территории возле леса.

— Поставить лагерь? Он собирается открыть туристическую базу для убийц?

— У Кирилла слишком узкая специализация. Видели две машины и свет. Потом свет погас. Несколько молодых наших хотели проверить, Нина их развернула.

— Разумная женщина.

— Скажи ей лично. Может, от тебя прозвучит убедительнее.

Мы взяли по бутылке воды. Я проверил телефон: Марина ответила на моё сообщение одной фразой — «Живой вернись». Писать ей, что это теперь выглядит полноценным планом на вечер, я не стал. После прошлой погони она отсыпалась и восстанавливала силы. Тащить её в темноту ради очередной чужой глупости было бы подлостью.

До лесного поворота доехали каждый на своей машине. Шоссе ещё гудело грузовиками, а за старым автобусным карманом начиналась узкая дорога к дачным участкам. Важин остановился у съезда и вышел. Я встал позади, погасил двигатель. По обочине тянулись свежие колеи. Кто-то недавно развернулся здесь так резко, что сорвал траву с корнями.

— Дальше пешком? — спросил я.

— Пока только посмотрим. Если там Бурцев, вернёмся. После того, что было у Фёдора, хватит на сегодня чужих кулаков.

Я посмотрел на него.

— Ты сам веришь в собственные слова?

— Когда произношу, почти всегда.

Впереди темнели сосны. Слева виднелась сетка давно заброшенной пригородной площадки: когда-то здесь отдыхали сотрудники предприятия, потом ворота повисли набок, а дорожки заросли. За ограждением начинался лес. Никакого сказочного сияния, никакой торжественной тишины. Из посёлка доносился телевизор, на шоссе рычали машины. Только под деревьями было на удивление безлюдно.

В нескольких метрах от покосившейся сетки я заметил свежие следы шин, уходившие в траву. Отсюда кто-то свернул к старой площадке, хотя нормальная дорога вела дальше. Одна из сосен носила на коре широкие содранные полосы. Под ней валялся пустой пакет из-под еды и новая пачка сигарет, не успевшая размокнуть. Люди Бурцева обосновались здесь сегодня. Устроить себе стоянку возле чужого леса они решились с той же самоуверенностью, с какой вчера громили Фёдоров магазин.

— Приезжие думают, что лес пустой, — сказал Важин. — У наших хотя бы хватает ума спросить, чья здесь тропа.

— А сам-то ты спрашивал?

— Я собирался ограничиться дорогой. Пока ты не предложил прогуляться.

— По телефону ты говорил иначе.

— Моя ошибка. Свидетелей нет — можно признать.

Перед поворотом Важин дал мне тяжёлый ручной фонарь из багажника. Мы прошли вдоль дороги, не заходя далеко за старую сетку. Важин замер. Под ногами скрипнула ветка; он поднял ладонь, требуя тишины.

— Чуешь?

Я вдохнул. Сырость, хвоя, бензин от недавней машины. Потом тонкий металлический привкус, который нельзя было спутать ни с чем.

— Кровь?

— Свежая. И много. Не приближайся первым.

За поворотом стоял тёмный внедорожник. Одна дверца была раскрыта. На водительском сиденье никого не оказалось, зато лобовое стекло пересекала длинная трещина, а на пороге темнело что-то густое. Чуть дальше между деревьями виднелся второй автомобиль — серый фургон с распахнутыми задними дверями. Возле него валялся пластиковый стул, рядом белело смятое покрывало. Судя по всему, приезжие устроились с комфортом и столкнулись с категорическим несогласием местных.

Я включил фонарь. Луч задел полосы на земле, мокрые следы обуви, разбитую кружку. Рядом с фургоном лежал человек в куртке. Он не двигался. Лицо было обращено к деревьям, одна рука вытянута к дороге. Я сделал шаг и остановился: слишком хорошо уже было видно, что помочь ему нечем. Важин подошёл с другой стороны, присел, коротко проверил и покачал головой.

— Мёртв, — сказал он.

— Оборотни Бурцева устроили разборку между собой?

— Посмотри на следы.

На влажной полосе возле колеса отпечаталась широкая когтистая лапа. След напоминал собачий, только пальцы были слишком длинными, а рядом вдавилась пятка, похожая на человеческую. Чуть дальше в грязи отпечаталась длинная босая ступня с человеческой пяткой и слишком широко разведёнными пальцами. Они тянулись к лесу. Дальше земля была перемешана, будто тяжёлое тело металось между фургоном и зарослями.

За фургоном начиналась узкая ложбина. Я посветил туда и увидел прогнивший вход в низкую кирпичную постройку, почти целиком ушедшую под землю. Под порогом лежали сухие ветки, сбитые в плотную груду, а рядом валялись обломки старых ящиков. Несколько свежих следов мужских ботинок вели прямо к входу. Земля вокруг была разворочена. Кто-то пытался заглянуть внутрь, разметал ветки и оставил после себя грязный отпечаток ладони на кирпиче. Я не мог знать, искали ли там золото или прятались от дождя, но такая бесцеремонность вполне могла вывести из себя хозяина места.

Важин посмотрел в низкий проём и коротко втянул воздух.

— Отсюда тянет зверем. Старым. Идём обратно.

— Человек возле машины ещё может быть жив.

Он помолчал, затем кивнул. Выбор нам обоим уже достался неприятный.

— Кто-то успел обратиться? — спросил я.

— Среди наших таких ног нет.

Из-за фургона раздался сухой стук. Мы одновременно повернулись. Я поднял свет, Важин двинулся вперёд, хотя на больную ногу опирался осторожно. Под опрокинутым сиденьем кто-то зашевелился.

— Эй! — окликнул я. — Живой?

— Уберите свет, — прохрипел мужчина. — Оно увидит.

Он выполз на локтях. На груди у него темнело пятно, рукав был разорван. Лицо я узнал: этот парень стоял возле машин Бурцева у автобазы, когда мы с Важиным потеряли их из виду. Имени я не знал. И не хотел получать его в качестве надписи на очередном памятнике.

— Кто напал? — спросил Гриша.

Мужчина облизнул потрескавшиеся губы.

— Пёс. На двух ногах. Сначала вытащил Пашку из-за дерева. Мы думали, волк здоровенный. Потом он поднялся… Господи, у него руки, как у человека. Я в него железкой кинул. Он даже не упал.

— Сколько вас было?

— Четверо. Двое ушли по дороге. Я застрял здесь. Он всё ещё там.

Я оглянулся в сторону тёмных сосен. Два человека могли успеть добежать до шоссе. Могли прятаться поблизости. Чужих намерений я из этого разговора не узнавал, зато вполне отчётливо понял: лагерь раскурочил кто-то третий, и возвращаться на поиски второго волчьего клада нам придётся с оглядкой на него.

— Поднимешься? — спросил я раненого.

Он кивнул, попытался встать и рухнул на колено. Важин сердито выругался, схватил его за ворот куртки, помог подняться. В этот момент справа раздался лай.

Сначала один низкий голос. Затем другой, гораздо ближе. Третий ударил словно из-за моего плеча. Я резко повернулся и осветил дорогу. Пусто. В траве никого. Но стая уже будто окружала нас: собаки метались за фургоном, хрипели под деревьями, царапали землю прямо у моих ботинок. Я видел только распахнутую дверцу и тёмные кусты. Звуки не совпадали ни с одним движением.

— Гриша, где они?!

— Стой! — рявкнул он. — Не беги на звук!

Раненый выдернулся из его рук и метнулся к деревьям. Лай взвился ему навстречу. Я схватил парня за плечо и развернул к машине. Он ударил меня локтем по груди, захлёбываясь ужасом.

— Отпусти! Они сзади!

— Сзади фонарь и я. Держи себя в руках!

Важин оскалился. Его лицо на миг изменилось, в глазах отразился бледный свет. Он принюхался и медленно повернулся в сторону зарослей.

— Пахнет одним, — прошептал он. — Только одним.

Лай оборвался сразу, будто кто-то выключил десяток невидимых собак. В тишине стало слышно, как потрескивает остывающий двигатель внедорожника. По спине у меня пробежал холод. Лесные байки о существах, которым хватает чужого страха и собственной территории, внезапно перестали казаться выдумками. Перстень на руке лежал тяжело и совершенно спокойно. Направленного удара по мне не было. Отражать здесь нечего.

Я заставил себя осмотреть землю. Фары не горели, но луч фонаря хватал влажные пятна достаточно ясно. Следы вели к ложбине. Ни одной цепочки маленьких собачьих лап вокруг нас не было. Лай ещё звучал в ушах, сердце продолжало реагировать на него так, словно невидимые псы вот-вот вцепятся в икры. Марина умела сбивать чужие мороки зольной магией. Представил

её здесь — уставшую, среди деревьев, с раненым человеком на руках. Пришлось признать, что правильнее было оставить её дома. Сегодня выбраться следовало собственными ногами и головой.

Из темноты вышло существо.

Сначала я увидел руки — длинные, с плотными пальцами и тёмными когтями. Затем плечи, покрытые клочьями грязной шерсти, широкую грудь и голову огромного пса на короткой мощной шее. Жёлтые глаза смотрели осмысленно. Пасть раскрылась, обнажив зубы, каждый из которых выглядел убедительнее любого аргумента. Существо стояло на двух ногах почти у края старой лесной дорожки. Оно было выше Важина и гораздо тяжелее. Вот он, псоглавец из старых преданий: человек с собачьей головой. Песиглавец. У сказки оказались вполне настоящие когти и очень скверный характер.

Мне хотелось произнести что-нибудь остроумное. Я ничего не сказал. Когда у собаки человеческие руки, полезно не отвлекать её замечаниями.

Песиглавец наклонил голову. Он посмотрел на раненого у фургона, затем на Важина. Нос дрогнул. На мгновение мне показалось, что он выбирает, с кого начать. Потом взгляд существа упал на окровавленную траву у старого ограждения, и его губы поползли вверх.

— Назад, — тихо сказал Гриша.

Существо рванулось первым.

Оно шло на двух ногах лишь два шага, затем опустилось на передние конечности и ударило в землю с такой силой, что комья грязи полетели нам под ноги. Важин оттолкнул раненого в сторону фургона и встретил прыжок плечом. Их столкновение было похоже на удар двух автомобилей на малой скорости. Гриша удержался на ногах, но песиглавец толкнул его к дереву. Кора хрустнула под спиной оборотня.

Я налетел сбоку, врезал существу тяжёлым фонарём по плечу. Удар получился болезненным для моей кисти и почти бесполезным для противника. Собачья голова повернулась. Пасть щёлкнула возле лица. Я отскочил, зацепился ногой за брошенный стул и рухнул на бок. Когти полоснули куртку. Под тканью обожгло кожу.

Важин вырвался и ударил зверя под рёбра. Песиглавец зарычал, отступил на шаг, оставив на земле тёмные капли. Значит, и его можно ранить. Гриша попытался сменить опору, но повреждённая нога подвела. Он упал на колено. Существо сразу бросилось на него.

Я подхватил с земли фонарь, направил яркий луч прямо в глаза чудовищу. Песиглавец дёрнул головой и промахнулся. Когти вспороли бок фургона. Металл заскрежетал так, что я едва не потерял слух. Гриша откатился и поднялся, тяжело дыша.

Из-под кузова посыпались старые листья. Существо снова поднялось на две ноги. Теперь оно прикрывало морду предплечьем и обходило свет с края. Гриша успел сдёрнуть с себя порванную куртку, бросил её поперёк узкого прохода и шагнул навстречу. Песиглавец ударил по ткани, разодрал её одним движением. Гриша отступил, едва удержавшись. Этот маленький выигрыш во времени позволил мне добраться до дверцы внедорожника, но цена была видна сразу: оборотень почти волочил травмированную ногу. Он не произнёс ни слова о боли. Я понял по лицу, что следующий такой удар он встретить уже не сможет.

— Забирай парня! — крикнул он.

— Ты же без меня не справишься!

— А с тобой здесь ещё один труп получится. Шевелись!

Раненый уже полз к дороге. Я подхватил его под руку и потащил к внедорожнику. Он оказался тяжелее, чем выглядел. За спиной Важин снова ударил песиглавца. Услышал его короткий сдавленный вскрик и обернулся. Существо придавило Гришу к борту фургона. Одна когтистая рука держала куртку у плеча, другая пошла к горлу. Я отпустил раненого возле машины и вернулся.

У открытой дверцы внедорожника горела лампа, но её света не хватало. Я дотянулся до водительского места и включил фары. Два мощных луча ударили поперёк площадки. Песиглавец резко отвёл морду. Важин использовал мгновение, вывернулся из-под руки и врезал существу в челюсть. Тот мотнул головой, но на прямой свет больше не пошёл. Он отступил под деревья и смотрел, щурясь.

— Живой? — спросил я.

— До тех пор, пока ты не выключишь фары.

Гриша говорил хрипло. На штанине у колена расползалось тёмное пятно. Я видел, как он переносит вес на здоровую ногу. Его прежняя травма получила новый удар, и расплатиться за этот вечер придётся далеко за пределами леса.

Песиглавец вдруг вытянул шею и завыл.

Звук ударил в голову, словно кто-то хлопнул дверью у самого уха. Площадка качнулась. Я опёрся ладонью о капот и едва удержался. Раненый мужчина зажал уши и осел возле колеса. Важин на секунду зажмурился, потерял равновесие. Я перестал понимать, откуда светят фары, хотя стоял прямо перед ними. Вой длился несколько мучительных мгновений. Потом существо умолкло. Оно тяжело дышало и больше не приближалось сразу — даже ему этот приём давался с трудом.

Я поднял голову. Лучи фар стояли ровно. Деревья никуда не переместились. Рука на капоте была моей. Этого хватило, чтобы снова собрать мир в правильном порядке.

— Гриша, к дороге! — крикнул я.

— Вижу.

Он сделал шаг, оступился и ухватился за край дверцы. Песиглавец следил за каждым движением. Я помог раненому добраться до дорожки, затем вернулся на несколько шагов и протянул Важину руку. Мы двинулись к выезду, оставив внедорожник с включёнными фарами. Разбираться, кому она принадлежит, сейчас никто из нас не собирался. Сейчас меня интересовали трое живых и короткий путь к шоссе.

Песиглавец вышел следом из-под деревьев. Он больше не выл. По обе стороны дороги зашуршали ветки, за спиной стукнули его тяжёлые шаги. Он нагонял нас быстро. Я слышал, как раненый сбивчиво молится. Важин дважды споткнулся, один раз едва не уронил меня вместе с собой. Когда под ногами обозначилась кромка старого асфальта, я впервые позволил себе оглянуться.

Впереди показался старый асфальтовый карман у шоссе. Лесная дорога проходила между двумя покосившимися столбами ограждения, за ними начиналась открытая обочина. Я первым вышел на асфальт, поддерживая раненого. Важин шагнул следом. Песиглавец остановился у столбов.

Между нами оставалось несколько метров. Он мог одним прыжком достать до Гриши. Но стоял на лесной земле и смотрел. Я поднял фонарь. Существо не отступило от света, лишь отвело морду. На его предплечье темнела ранка, оставленная Важиным. Оно втянуло воздух и перевело взгляд с наших следов на глубину леса.

— Что, дальше нельзя? — выдохнул я.

Песиглавец обнажил зубы. Ответа не последовало. Он сделал два медленных шага вдоль границы ограждения, так и не выйдя к шоссе. Потом развернулся и исчез под деревьями. Ветви дрогнули. На земле остались глубокие следы, вполне настоящие. Лая вокруг больше не было.

За шоссе ярко светилась вывеска магазина стройматериалов. По обочине прокатился пустой автобус, обдав нас запахом горячих тормозов. Я прислушался к своему дыханию. Где-то на заброшенной площадке по-прежнему горели фары чужого внедорожника. Свет обозначал место нападения точнее любого знака. Песиглавец мог прятаться за деревьями и ждать возвращения людей Бурцева. Я не собирался сейчас проверять, сколько его терпения осталось.

— Видел, как он остановился? — спросил я.

— Видел. Столбы помни. Слева и справа от старой дороги.

— Ты предлагаешь потом снова сюда прийти?

— Предлагаю помнить, где мы едва не остались навсегда.

Я ещё долго смотрел туда, где исчезла собачья голова. Песиглавец перестал преследовать нас у края своей территории; мы просто сумели отойти достаточно далеко. Существо отогнало нарушителей от своего участка и потеряло интерес, когда мы ушли. Оно могло добраться до асфальта своими лапами, но здесь уже не было того, что оно защищало. Важин, кажется, пришёл к тому же выводу.

— Территориальный, — сказал он сквозь зубы. — Чужих гонит до дороги. У самого убежища опаснее.

— И ты решил проверить это собственной ногой?

— Она сама вызвалась.

Раненый мужчина сидел у обочины, прижимая ладонь к груди. Я вызвал ему медицинскую помощь, назвал место и не стал превращать разговор в рассказ о чудовищах. Несколько машин проехали мимо, никто не остановился. Из дачного посёлка пришёл мужчина с собакой на поводке, увидел кровь и молча увёл животное в другую сторону. На фоне обычной вечерней дороги наши ночные приключения выглядели особенно нелепо.

— Бурцеву сообщишь? — спросил я раненого.

— Сам услышит. Двое ушли ещё до вас. Они скажут, что там пёс.

— Скажи правду. Там хозяин. И Кириллу лучше не вести туда остальных.

Парень поднял на меня глаза.

— Он всё равно полезет.

— Тогда хотя бы будет знать цену.

Важин позвонил Нине. Я слышал лишь его короткие ответы: «Да», «Один живой», «Дальше дороги не преследует». Потом он убрал телефон и сказал, что местная стая к заброшенной территории приближаться не станет. Данила, к счастью, оставался у своих и не мог немедленно доказать обратное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.